

После окончания Великой Отечественной войны наблюдался возврат в МГКА адвокатов, которые воевали в рядах Советской Армии, а также пребывали в эвакуации. А еще через некоторое время московскую адвокатуру стали пополнять участники боевых действий, получившие после демобилизации юридическое образование. Новые кадры на практике осваивали юридическую специальность и впитывали от мэтров все полезное, что было необходимо для овладения профессией адвоката.

Пополнялась столичная адвокатура и за счет молодежи, которую манил ореол адвокатского образа. Показательны в этом отношении воспоминания известного адвоката Краснокутской Альбины Ивановны, связанные с её студенческими годами.

«Мое знакомство с адвокатурой произошло в 1954 году, когда я была студенткой второго курса Юридического факультета МГУ. ... Вечером, после занятий, в одной из обшарпанных аудиторий в здании на улице Герцена ... вошла группа мужчин, выглядевших по тем временам совершенно необычно. Когда они стали снимать верхнюю одежду, мы увидели внутри их пальто мех. У наших матерей – только маленькие меховые воротники, сами мы, дети войны, - почти все в школьных формах, многие мужчины на нашем курсе – в сапогах и гимнастерках, без рук, без ног, на костылях. А когда наши гости начали говорить, их изысканная речь заворожила меня так, как может быть только в юности. Никогда прежде я ничего подобного не слышала. Это были известнейшие адвокаты Московской городской коллегии адвокатов – Николай Васильевич Коммодов, Матвей Александрович Оцеп, более молодые – Леонид Александрович Ветвинский, Лев Моисеевич Яхнич. Позже я узнала, что некоторые из них прошли 17-20 лет лагерей. Их интеллигентность, эрудиция, элегантность, прекрасные манеры совершенно покорили меня. Они были из другого мира, о существовании которого я до той поры и не подозревала. Познакомившись потом с ними, я всю жизнь дружила с теми, кто оставался в живых. С нашей первой встречи я так увлеклась адвокатурой, что ничем другим уже не собиралась заниматься...»¹.

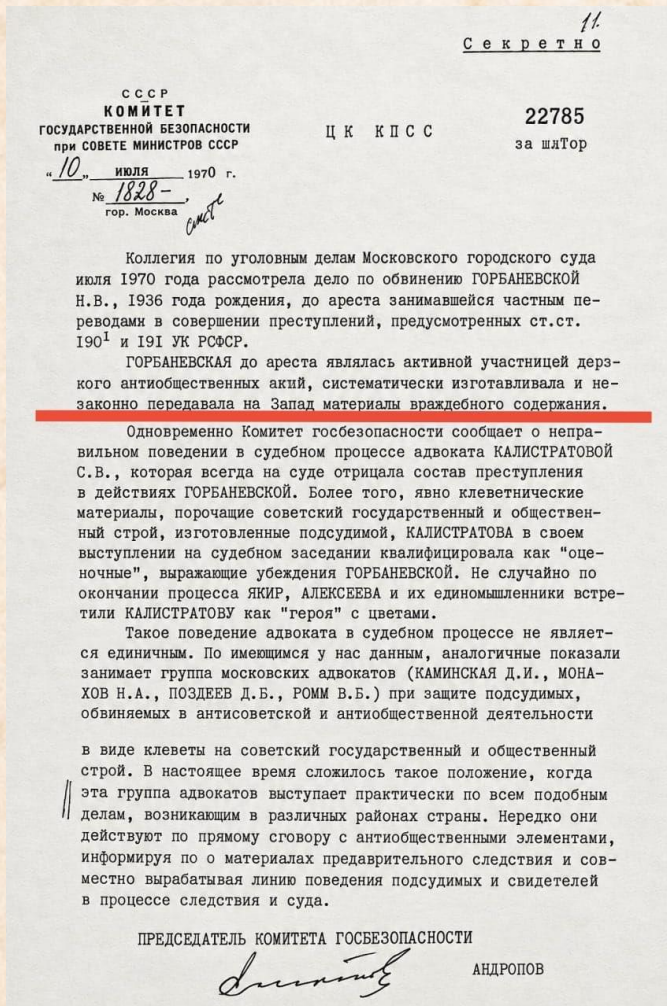
Описанные процессы приводили к тому, что численность адвокатов в стране существенно увеличивалась. Если в 1931 году их было около 6 тысяч, то в 1947 году уже 13 тысяч. Причем после войны существовали различные формы ускоренного получения основ юридического образования, что позволяло его обладателям вступать в ряды адвокатуры.

Между тем государство по-прежнему стремилось максимально полно и жестко контролировать адвокатов. В биографиях некоторых из них не раз встречаются случаи малопонятного отчисления из коллегии, и не всегда с

¹ Адвокатский альманах. К 150-летию российской адвокатуры: Сборник статей. М., 2014. С. 217-218.

последующим возвращением в корпорацию. На смену прежним «чисткам» пришли регулярные аттестации, проводимые «тройками» в составе председателя городского суда, руководителя органа юстиции и лишь третьим здесь значился председатель коллегии адвокатов. Понятно, что о полной независимости членов корпорации говорить не приходилось, так как их профессиональная судьба зависела от представителей судебной и исполнительной власти. То есть от тех, кому зачастую приходилось противостоять в судебных баталиях.

В понимании властей, советская адвокатура оставалась частью партийно-государственного аппарата и одним из механизмов обслуживания его интересов. Влияние партийных инстанций в полной мере проявлялось, когда проходили процессы над диссидентами, активно критиковавшими недостатки советской власти. Здесь партийные органы неприкрыто вмешивались в подбор защитников для участия в таких процессах, а затем инициировали преследование тех из них, кто пытался в полной мере добросовестно защищать своих доверителей.

«История советской адвокатуры — это и героические страницы, и трагедии. — Писал профессор Стецовский Ю.И. в книге «Исторический очерки формирования адвокатуры в

России». - Участвуя в политических делах, адвокаты стояли перед выбором: или с риском для свободы и жизни защищать обвиняемых, или покорно выполнять волю хозяев заказных дел. В послесталинские времена адвокатов не всегда убивали и превращали в лагерную пыль. Они рисковали оказаться вне коллегии и тем самым лишиться адвокатской практики либо их принуждали уехать из страны».

Одним из правовых феноменов периода «развитого социализма» стало постепенное исчезновение из практики уголовного судопроизводства оправдательных приговоров. Считалось, что руководимые партией

представители правоохранительных органов, призванные бороться с преступностью, куда зачастую включали и судей (а в их число принимали только по партийной принадлежности), не могут в принципе допускать такие ошибки, чтобы привлечь невинного человека к уголовной ответственности! В результате вместо публичной, от имени государства, реабилитации в судебном порядке лица, незаконно пострадавшего от уголовной репрессии, дело стыдливо направлялось на дополнительное расследование, и зачатую там «умирало».

Соответственно, и адвокат-защитник, потративший много усилий для доказывания несостоятельности обвинения, не мог, как ранее, сказать: «я добился оправдания моего доверителя», а вынужден был довольствоваться сознанием завершения процедуры уголовного преследования, и далеко не всегда по реабилитирующим основаниям...

Проявления партийно-государственного контроля за адвокатурой, стремившегося к максимуму, приобретали порой довольно своеобразные формы, кажущиеся абсурдными с позиции реалий сегодняшнего дня. Как рассказал Шаров Г.К., в статье «Адвокатура «развитого социализма», чтобы в конце 1970-х годов отпечатать в типографии свои визитные карточки, ему пришлось с ходатайством руководства коллегии получить одобрение райкома партии и разрешение Главлита – главного цензора страны, и только после этого типографии приняла и выполнила небольшой заказ на 300 визиток².

Красноречивым и довольно тревожным эпизодом в жизни московской адвокатуры периода «развитого социализма» явилась попытка разгромить основные силы Московской городской коллегии адвокатов (МГКА) посредством применения уголовной репрессии. Это явление, названное впоследствии «каратаевщиной» по фамилии руководителя группы следователей, преследовавших адвокатов по надуманным мотивам, также наглядно демонстрирует отношение государства в лице его силовых ведомств к адвокатской корпорации.

Длившееся в течение 1985 - 1987 годов противостояние МГКА и следственной группы Прокуратуры РСФСР, начавшееся с намерения посадить на скамью подсудимых руководителей и ведущих адвокатов московской коллегии по обвинениям в коррупции, завершилось прекращением ряда ранее возбужденных дел (против адвокатов Когана М.И., Сафронского Э.Г.) и отстранением от расследования Каратаева В.И.

² Адвокатский альманах. К 150-летию российской адвокатуры: Сборник статей. М., 2014. С. 409.

Активную роль в борьбе с «каратаевщиной»³ сыграли адвокаты, о которых рассказывается в данном проекте - Воскресенский Г.А., Баренбойм П.Д., Абушахмин Б.Ф., Карпинская И.С., а также Резник Г.М.

В тоже время в рассматриваемый период была введена в действие новая Конституция Советского Союза, принятая Верховным Советом СССР 7 октября 1977 года, где в статье 161 нашло закрепление положения о том, что «для оказания юридической помощи гражданам и организациям действуют коллегии адвокатов». Соответственно, статус адвокатской корпорации был поднят на высокий конституционный уровень, что должно было свидетельствовать о её важной роли в обществе. И уже вскоре был разработан и принят «Закон об адвокатуре в СССР» (30 ноября 1979 года), а на его основе - Положения об адвокатуре союзных республик, детально регламентирующие деятельность коллегий адвокатов.

Безусловные подвижки в деле повышения значимости адвокатской корпорации, претендующей на определенную независимость и решение важных социально-правовых задач государственного уровня, можно объяснить попытками Советского Союза в тот период демонстрировать свою демократичность, миролюбивость, и приверженность идее отстаивания прав человека.

В любом случае исторически обусловленное и многолетнее стремление адвокатуры к самостоятельности, как к одному из важнейших условий профессионализма и независимости её членов, давало свои плоды, в связи с чем исследователи признавали: *«Адвокатам все-таки удавалось сохранять определенную ведомственную автономию, что являлось крайне редким, если не единственным случаем в советской системе. Несмотря на то, что коллегии адвокатов работали бок о бок с партийными и государственными органами, они не стали придатком бюрократической иерархии советского государства. Они стались, по крайней мере формально, самоуправляемой корпорацией. Будучи негосударственной организацией и находясь вне системы жесткого административного управления, коллегии могли самостоятельно решать некоторые вопросы профессиональной деятельности, как, например, вопросы, касающиеся дисциплины и финансовых расходов. Более того, адвокаты оказывали по возможности сопротивление засилью партии в корпорации»*⁴.

³ Обстоятельства преследования адвокатов группой следователя Каратаева В.И. описаны в книге Рогаткина А.А. «Очерки истории московской адвокатуры» (М., 2006, С. 178 - 189), в сборнике «Московская адвокатура. 150 лет» (М., 2016. С. 122-125), сборнике «Адвокатский альманах. К 150-летию российской адвокатуры» (М., 2014. С. 92-94), статье Резника Г.М. «Как нас хотели уничтожить. Воспоминания об «адвокатском процессе» - дело Каратаева», включенной в книгу «С драйвом по жизни». Т. II. Статьи, доклады, лекции. - М., 2018. С. 223-235.

⁴ Юджин Хаски. Российские адвокаты и Советское государство. — М., 1993. С. 170.

Президиум МГКА в 1983 году: (сидят слева направо): Живина А.В., Блюмкина С.А., Апраксин К.Н., Боброва Ю.Е., Козин М.П.; стоят - Кошелева Л.Ф., Абушахмин Б.Ф., Филатов А.И., Алдусев А.Н., Змойро Б.Е., Зурабов С.О., Воскресенский Г.А.

Ещё одной отличительной чертой рассматриваемого периода является резкий рост научных исследований и, соответственно, обстоятельных публикаций по проблемам, так или иначе связанным с адвокатурой.

Можно назвать труды профессора, члена-корреспондента Академии наук СССР Строговича М.С., сотрудничавшего с МГКА и освещавшего в своих работах различные стороны процессуального положения защитника. Имя Михаила Соломоновича 24 сентября 1974 года было занесено в Книгу Почета МГКА с указанием на то, что он являлся членом Ученого совета общественного НИИ судебной защиты, на протяжении многих лет активно участвовавшим в мероприятиях, проводимых коллегией.

Укажем также на исследования возглавлявшего сектор проблем правосудия Института государства и права, заслуженного деятеля науки РСФСР Савицкого В.М., а также работы докторов юридических наук Петрухина И.Л. и Стецовского Ю.И., причем последние двое названных ученых определенное время состояли членами МГКА.

Заметим, что в те же годы начали публиковаться сборники выступлений адвокатов, существенная часть которых трудилась в МГКА, и эта практика затем продолжилась («Защитительные речи советских адвокатов». – М., 1956; «Судебные речи советских адвокатов». – М., 1960, и др.). Под эгидой Московского общественного НИИ судебной защиты и усовершенствования адвокатов при Президиумах Московской городской и областной коллегий адвокатов в 1975 году вышел в издательстве «Юридическая литература» сборник «Речи советских адвокатов по уголовным делам», а в 1976 году - «Речи советских адвокатов по гражданским делам».

Среди иных работ следует отметить:

- Защита по уголовным делам / Голяков И.Т., Строгович М.С., Трайнин А.Н., и др. – Москва, 1948;
- Адвокат в советском уголовном процессе: Пособие для адвокатов / под ред. проф. Голякова И.Т. – Москва, 1954;
- Антимонов Б.С. Адвокат в советском гражданском процессе: пособие для адвокатов - Москва, 1954;
- Перлов И.Д. Право на защиту. - Москва, 1969;
- Адвокатура в СССР / Ред. коллегия: Апраксин К.Н. и др. - Москва, 1971;
- Дисциплинарная практика президиумов Московской городской и областной коллегий адвокатов (Сост. Огнев П.А.) // Архив МГКА, 1971;
- Бойков А.Д. Этика профессиональной защиты по уголовным делам. - М., 1978;
- Ривлин А.Л. Организация адвокатуры в СССР - Киев, 1974;
- Ватман Д.П. Адвокатская этика: Нравственные основы судебного представительства по гражданским делам. - М., 1977.

В этих условиях на завершающем отрезке советского времени трудились представители московского адвокатского сообщества, о которых будет рассказано далее в предлагаемом разделе Проекта.

Дубровская Сильва Абрамовна

родилась 3 апреля 1923 года в г. Витебске. В 1940 году поступила на юридический факультет Ленинградского университета, однако затем, в связи с началом Великой Отечественной войны была вынуждена уехать в г. Уфу, где сначала поступила в юридическую школу, а затем какое-то время работала помощником прокурора в прокуратуре Башкирской АССР.

По возвращении в Ленинград она в 1947 году окончила университет, после чего сначала работала адвокатом в Ленинградской коллегии адвокатов (1947-1948 гг.), а затем перевелась в

Псковскую областную коллегию адвокатов, где трудилась до 1967 года. В 1951 году была избрана в Президиум Псковской областной коллегии адвокатов. В ее характеристике за этот период говорится, что Дубровская С.А. является одним из лучших адвокатов коллегии, свои обязанности выполняет безукоризненно. Ее судебные речи отличаются исключительной грамотностью, культурой, объективностью, глубоким знанием законодательства и материалов конкретного дела.

В 1967 году в связи с переводом в Москву ее мужа – военного медика, Сильва Абрамовна переехала в столицу и была принята в Московскую городскую коллегию адвокатов.

Когда в 1984 году Дубровская С.А. добилась в Верховном Суде РСФСР оправдания одного из своих подзащитных – заместителя генерального директора Всесоюзного объединения государственных цирков Г., в Президиум МГКА поступило восторженное письмо от его родственников, где, в частности, было сказано: Дубровская С.А. с самого начала расследования избрала принципиальную позицию, проявляла непримиримость к нарушениям процессуальных норм ведения следствия, проявила высокий профессионализм, глубокое знание законодательства и всех тонкостей своей работы.

В 1977-1978 годах Дубровской С.А. пришлось защищать известного диссидента Натана Щаранского, обвинявшегося в шпионаже и антисоветской агитации и пропаганде.

Президиум МГКА в марте 1993 года принял решение занести имя Сильвы Абрамовны в Книгу Почета, и в поздравительном адресе на ее имя отмечался высочайший профессионализм Дубровской С.А., энциклопедические знания,

Дубровская С.А.

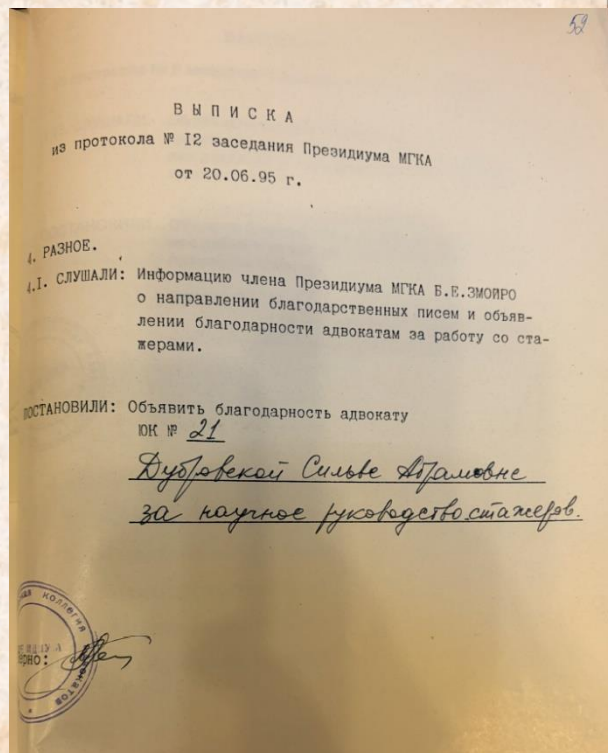

чувство высокой гражданственности и ее глубокое почитание и уважение среди адвокатов Москвы.

В 2001 году Сильва Абрамовна была награждена Золотой медалью имени Ф.Н. Плевако в номинации «За высокое профессиональное мастерство и крупный вклад в защиту прав граждан и юридических лиц», в 2004 году - Орденом ФПА РФ «За верность адвокатскому долгу», в 2006 году грамотой Адвокатской палаты города Москвы

Кроме того, в 1970 году награждалась медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

В 2004 году имя адвоката Дубровской Сильвы Абрамовны было внесено в Книгу Почета Адвокатской палаты города Москвы.

Настоящий материал о **Гольденберге Александре Борисовиче** (Борухе Ушеровиче) подготовил Шаров Г.К. по сведениям из личного дела адвоката в архиве МГКА, информации из доступных источников, а также по воспоминаниям его дочери Хохобая Е.А. и автора текста.

Гольденберг А.Б. родился в Москве 7 августа 1928 года.

29 лет - с 8 июля 1969 года по 10 мая 1998 года он был членом МГКА, до этого 17 лет с 11 сентября 1952 года по 8 июля 1969 года – адвокатом Владимирской областной коллегии.

Отец - Гольденберг Б.А., 1885 г.р., служащий в союзе кооперации, мать - Елизавета Владимировна 1901 г.р., домохозяйка, непродолжительное время работала воспитателем в детском учреждении.

В автобиографии Александр Борисович пишет: «В 1934 году в результате несчастного случая, проживая в г. Москве, я, попав под трамвай, лишился обеих рук (пишу и работаю протезами)».

Среди арбатских мальчишек и тогда были отчаянные трамвайные зацеперы. Левой руки мальчик лишился до плеча, правой пытался достать левую, но и её потерял существенно выше кисти.

В 1936 году мать повела Сашу поступать в школу, где районная комиссия скорее всего решила бы отрицательно, но, как рассказывает дочь, мальчик уже умел читать и писать, он губами взял карандаш и написал «я хочу учиться». После такого не принять его уже не могли.

10 классов средней школы Александр окончил в 1947 году и сразу поступил в экстернат Московского юридического института.

В связи с тяжелым материальным положением семьи все годы учебы Александр работал. В 1948 году по путевке райкома ВЛКСМ работал старшим пионервожатым в школе № 64 Москвы.

В 1949-1950 годах - библиотекарь школы ФЗУ Трехгорной мануфактуры, затем перешел работать по специальности юриста-претензиониста Проектной конторы Мосжилуправления, но прошло сокращение штата, и должность ликвидировали.

Гольденберг А.Б.

В 1951-1952 годах работал линейным диспетчером централизованных перевозок кирпича Управления транспорта Мосгорисполкома. Уволился для подготовки к государственным экзаменам в институте.

В период обучения в институте окончил экстерном ещё и Московскую юридическую школу (1949-1950). В 1952 году по окончании института он получил второй диплом юриста.

По путевке Минюста его направили во Владимирскую областную коллегия адвокатов, где 17 лет он работал в юридической консультации города Коврова.

В 1952 году женился. Жена Любовь Алексеевна (в девичестве Андрианова) родилась в Москве, но переехала к мужу в Ковров и работала главным бухгалтером Централизованной бухгалтерии при Ковровской музыкальной школе.

Дочери: Марина (в замужестве Саматина), 1960 года рождения, фельдшер, и Елена (в замужестве Хохобая), 1961 года рождения. У Елены два высших образования: по прикладной математике и юриспруденции. Юрфак МГУ закончила с отличием, и с 1995 г. работала в юрконсультации № 11 МГКА вместе с отцом.

Любовь Алексеевна умерла в 1993 году, прожив в браке с Александром Борисовичем 41 год. После ее ухода Александр Борисович встретил Людмилу Спиридоновну Полякову, в 1994 они зарегистрировали брак и жили в гармонии и любви до самой смерти.

Но вернёмся в Ковров. Заведовал консультацией там Абрам Семёнович Плоткин, который был не только известным в области адвокатом, но и писателем, почётным гражданином города Коврова, ветераном Великой Отечественной войны; трижды ранен, дважды уходил на фронт добровольцем. Плоткин был лишь на 5 лет старше Гольденберга, и они крепко дружили.

Вот что писала о Гольденберге его стажер 50-х годов Маргарита Лосевская в повести «Город старый, а я молодая»: *«Его выступления в суде привлекали моё внимание. Безупречно грамотная речь, всё чётко, кратко, по существу. Общая эрудиция, логика, прекрасное знание закона. Александр Борисович не фронтовик, но у него ампутированы кисти обеих рук. Результат ДТП в юности. Пользовался резиновыми протезами. Этими резиновыми руками одевался, обедал, носил портфель, застёгивал его, расстёгивал, перелистывал страницы судебных томов, писал. Пальто у него было не на пуговицах, а на крючках. Для листания страниц он употреблял особую резинку....»*

Плоткин назначил моим наставником Александра Борисовича. Улыбаясь, Абрам Семёнович сообщил:

- Назначаю тебе руководителем самого эрудированного и умного адвоката. Но запомни: ты должна превзойти своего достойного учителя.

Гольденберг А.Б.

Присутствующий здесь же патрон пошутил:

- Ну, Абрик, зачем ей всей этой скукой заниматься. Мы лучше пошлём её на Московский Международный Фестиваль. Её обязательно заметит и похитит какой-нибудь миллиардер и увезёт в Америку. Такая экзотичная девушка не должна пропадать в провинции...

Любила ходить с Гольденбергом в суд, милицию, прокуратуру... Позже Гольденберг уехал в Москву и продолжал работать в адвокатуре. Стажировка у хороших адвокатов помогла мне с первых шагов самостоятельной работы чувствовать себя уверенно. Я могла составить любой процессуальный документ, хорошо ориентировалась в уголовных и гражданских делах любой сложности».

В разные годы в Коврове, будучи комсомольцем, Гольденберг неоднократно избирался секретарем городской комсомольской организации суда и прокуратуры, членом пленума ГК ВЛКСМ, впоследствии руководил лекторской группой при суде, прокуратуре, адвокатуре и нотариальной конторе города, возглавлял юридическую секцию городского общества «Знание» (за эту работу он был премирован путевкой в Геленджик), являлся внештатным заведующим отделом жалоб ГК КПСС и членом административной комиссии горисполкома.

В 1954 он окончил вечерний Университет марксизма-ленинизма при ГК КПСС и в 1955 был принят в члены КПСС.

В характеристиках 1969 года президиум ВОКА и партийная организация консультации отмечали, что Гольденберг «один из наиболее квалифицированных адвокатов Владимирской коллегии». Он, член научно-методического совета ВОКА, неоднократно поощрялся за добросовестное отношение к адвокатской работе и большую общественно-массовую деятельность. За подготовку стажера ему объявлена благодарность, он «политически грамотный, дисциплинированный коммунист, все поручения партийной организации выполняет добросовестно».

За 29 лет работы в МГКА Александр Борисович имел 21 благодарность (17 из них с денежной премией от 35 до 115 руб.) - за добросовестную работу; за активное участие в пропаганде правовых знаний; высокие показатели в профессиональной и общественной работе; высококвалифицированную профессиональную работу и преданность адвокатскому делу. Он подготовил 11 стажеров для приема в члены МГКА.

В характеристиках 1970 и 1980 годов заведующий, секретарь парторганизации и председатель месткома юридической консультации № 11 МГКА отмечали, что А.Б. Гольденберг - опытный и знающий юрист, хорошо подготовлен теоретически, чрезвычайно тщательно работает с материалами проводимых им дел, в коллективе пользуется авторитетом, избран председателем методсовета и назначен старшим консультантом.

Гольденберг А.Б.

Адвокатская практика Гольденберга многократно освещалась в печати. В частности, газета «Коммерсант» от 23.12.1992 рассказывала о работе в суде общей юрисдикции по делу с ценой иска 35 млн. руб. В номерах от 15.09.1993 и 23.04.1994 газета изложила обстоятельства двух дел, рассмотренных в Международном коммерческом арбитражном суде при ТПП РФ (МКАС), по которым адвокат с партнером добились решений в пользу доверителей на сумму около 900 тыс. и более 14 млн. долларов США, соответственно.

В публикации от 15.12.1993 «Двух адвокатов задержали не по делу» говорилось, что в ночь с 4 на 5 декабря 1993 года в Тульской области сотрудники ГАИ и местного уголовного розыска остановили автомобиль, в котором московские адвокаты Гольденберг и Ушаков возвращались из Орла из командировки. Позже адвокаты рассказывали коллегам, что, несмотря на предъявленные адвокатские удостоверения, под угрозой автоматов им приказали покинуть автомашину и положить руки на капот. Ушаков П.П. вышел и стал кричать, чтобы не применяли оружие, поскольку коллега без рук и не может самостоятельно отстегнуть ремень безопасности и покинуть автомобиль. Их обыскали и задержали. Под конвоем автоматчиков адвокатов доставили в РОВД, где они провели всю ночь. Оформлять протокол задержания сотрудники РОВД отказались. Утром задержанные адвокаты без каких-либо объяснений были отпущены. Адвокаты полагают, что их задержание имело цель помешать им в защите генерального директора СП "Орел-Авиа". Об инциденте адвокаты направили заявление Министру внутренних дел России с требованием служебного расследования и возможного возбуждения уголовного дела в отношении виновных в незаконном задержании.

Наставник в адвокатуре и пример по жизни

(22 года с Мэтром адвокатуры и Человеком с большой буквы)

В 1976 году меня стажером направили в юридическую консультацию № 11 МГКА и её заведующий Попов Л.М. моим патроном назначил мэтра - Александра Борисовича Гольденберга, с которым мы в этой консультации проработали 22 года до его кончины.

За эти годы мы подружились, вместе вели дела, ходили в гости друг к другу, общались семьями, ездили в командировки и за границу.

Писать эту статью меня никто не просил, я сам напросился, поскольку хочу, чтобы о моём наставнике знало как можно больше коллег, внуков, правнуков и всех, кто умеет читать и уважает мужество и жизнелюбие этого человека.

Мэтр не навязывал своих знаний, не занимался нравоучениями, он жил рядом своей интересной активной жизнью, и этим подавал мне пример, как общаться с

Гольденберг А.Б.

клиентами, коллегами, следователями и судьями, как писать юридические документы, ну и шире – как жить.

Например, я неоднократно наблюдал, как молодые, да и стажированные адвокаты, не успев подумать над возникшим правовым вопросом, бежали с ним к Александру Борисовичу, а он терпеливо, в очередной раз отвечал: «читай закон». И вот, когда возникший вопрос адвокат обстоятельно проработал, но оставалась неразрешенная заковыка, тогда мэтр подключался и давал бесценный совет.

Гольденберг А.Б. вместе с автором очерка Шаровым Г.К.

Наблюдал я, как Александр Борисович ловко управлял протезами. Он уверенно работал ложкой и вилок, нежно брал и доставлял по назначению полную рюмку, кокетливо снимал соринку с плеча женского платья. Но это всё ничто, по сравнению с тем, как он работал. Перефразируя Высоцкого: «И голове своей протезом помогал».

А возможности протезов в те годы были весьма ограничены. Протез левой руки просто висел и только при нажатии правым протезом по выключателю в районе локтя большой палец прижимался к четырем другим или отжимался от них. Таким образом, обладатель протеза мог, например, поставив разжатые пальцы левой руки на ручку портфеля, нажать на выключатель, пальцы схватывали ручку и портфель можно было нести.

Гольденберг А.Б.

Правая рука умела больше. Работал локтевой сустав, а шевеля культиками локтевой и лучевой костей, можно было прижимать или разжимать большой палец с четырьмя другими. Пишу подробно, поскольку лишь понимая эту механику, можно хоть немного представить проблемы эксплуатации данной инженерной конструкции.

Ремни, соединяющие два протеза, за день натирали кожу, но никто не догадывался, как иногда Александру Борисовичу было тяжело, ведь он всегда был веселый, «с юморком». Кстати, вы не найдете фотографии, где бы у него было унылое лицо, только с улыбкой.

Немецкое телевидение в 70-х годах сняло сюжет об уникальном адвокате, но копии не передали, и никаких следов не осталось.

Начинающим адвокатом я долго уклонялся от предложений Александра Борисовича поехать с ним в командировку, но однажды согласился съездить в пару городов Северного Кавказа. Жили с ним в одном номере, по-другому тогда не бывало. Изрядно уставшие, вечером после ужина мы пришли в номер, я спросил, не надо ли коллеге помочь, но услышал категорическое нет, лег и мгновенно уснул. Каково было мое удивление, когда утром мэтр разбудил меня словами: «Гена, просыпайся, а то я кофе заварил, и он остынет».

Он был свеж, одет, пуговицы на рубашке застегнуты, готов к завтраку и продолжению работы. Вторую ночь я этому уже не удивлялся.

А как мэтр работал с материалами дела – заглядывание. Внимательный, сосредоточенный, он правой рукой листал очередную страницу тома и подсовывал её под левую руку. После этого внимательно прочитывал и, если находил что-то полезное, правой рукой брал изо рта шариковую ручку и подробно записывал с указанием не только листа дела, но и абзаца. Я одновременно пытался работать с другими томами, но делал это много медленнее. Тогда мэтр предложил: давай я буду читать и диктовать нужное, а ты записывать, так будет быстрее.

Также дружно мы совместно работали над написанием надзорных жалоб у мэтра дома. Разложили листки с выписками из дела, оговорили основные аргументы будущего шедевра и, попробовав разные варианты сочинения текста, быстро пришли к выводу, что лучший вариант, как и прежде: мэтр диктует, а я записываю.

Любовь Алексеевна - тип женщин, о которых говорят - русская красавица, и коня остановит, и в горящую избу войдет, хлебосольная, заботливая и в меру строгая, а с нами, разгульными мужиками, по-другому и нельзя. Она тоже участвовала в нашей работе тем, что постоянно потчевала и мужа, и гостя разносолами и пирогами, которые по завершению работы становились закуской.

Вот это была школа адвокатуры! Глубина и логика мысли, качественная

юридическая лексика и, что немаловажно, скорость создания добротного юридического документа. Было чему поучиться.

Частенько мне приходилось мэтра приводить в пример тем коллегам, у кого постоянно «крокодил не ловится, не растет кокос», клиентов нет, гонорары платить не хотят. У Александра Борисовича таких проблем не было. Он достойно обеспечивал семью, да еще и родственникам перепадало.

Поток клиентов к мэтру не иссякал. А когда случался их избыток, он кого-то передавал мне, как и я ему. Например, он предложил мне перспективного тогда клиента – рекламную фирму «Гратис», а я ему – авиакомпанию СП «Орел-Авиа».

В конце 80-х я старался ориентировать адвокатов консультации на обслуживание нарождающегося бизнеса, и многие в этом серьезно преуспели. Для удобства в работе адвокаты стали объединяться в партнерские мини-группы, а консультация старалась выделить им какое-нибудь отдельное помещение. Так, молодой успешный адвокат Павел Ушаков объединился с Гольденбергом, и они образовали одну из первых таких групп. Итогом оба были очень довольны.

В статье «Бойся желаний – они сбываются. Когда и как появились в адвокатуре первые компьютер, факс и ксерокс» (журнал «Российский адвокат», 2014, № 6. С.10-14), рассказывая о 1990-1991 годах, я писал: «...не берусь утверждать, что первый компьютер, ксерокс и факс у отечественных адвокатов появился именно в юридической консультации № 11 МГКА, что на Таганской площади, заведующим которой с 1986 по 2003 год мне посчастливилось быть. В консультации в то время трудились около 50 адвокатов, и она была одной из 30 консультаций МГКА. Но я точно знаю, что среди традиционных консультаций МГКА, а это значит, что, вероятнее всего, и среди всех консультаций традиционной адвокатуры страны, мы действительно были первыми.

Освоение всей этой техники было не менее, если не более, сложным, чем её приобретение. В коллективе оказалась адвокат, которая, кроме юридического, имела техническое образование и была с компьютерами «на ты» – Елена Хохобая. Она согласилась обучать желающих и вела занятия по компьютерному ликбезу. Нелегкое это было учение, когда два десятка желающих адвокатов пытаются освоить один на всех компьютер.

Одним из первых, преуспевших в учебе, оказался мой патрон Александр Борисович Гольденберг, отец Елены Хохобая. Будучи инвалидом, с протезами вместо двух рук, он так лихо долбил ими по клавишам, что клавиатуру приходилось менять довольно часто, благо она стоит недорого».

Никогда не слышал, чтобы Александр Борисович говорил на повышенных тонах, всегда доброжелательный и задорный взгляд, редкое чувство юмора и способность пошутить не только над другими, но и посмеяться над собой. В общении он никогда не вызывал жалости или сочувствия к его непростой жизни.

и собеседник забывал даже о его возрасте. А если в застолье он начинал проникновенно читать Есенина, компания затихала и приходила в восторг.

Мэтр был человек азартный до жизни, любил компании друзей, путешествия. Каждый год в отпуск он отправлялся то в санаторий Латвии, то в Израиль, а в 1992 году с дочерью Еленой и зятем в морской круиз с посещением стран Средиземноморья.

В 1995 году я с партнером организовал в Токио Международную научно-практическую конференцию для адвокатов и бизнесменов «Как делать бизнес в России», и туда он поехал с нами. В следующем 1996 году с женой Людмилой Спиридоновной в составе группы наших адвокатов он посетил Англию. Из всех 12 человек группы в английское посольство для собеседования пригласили только Гольденберга, и там чиновник задал ему единственный вопрос: «Зачем вы едете в Англию», на что Александр Борисович, вспомнив популярный в те годы фильм «Увидеть Париж и умереть», уверенно ответил: «Хочу увидеть Лондон и умереть». Чиновник рассмеялся и выдал визу.

Александр Борисович был большим жизнелюбом, ничто человеческое было ему не чуждо. Может быть, нас роднило и это, а не только любовь к юриспруденции...

Гольденберг А.Б. скончался 10 мая 1998 года и был похоронен в колумбарии Ваганьковского кладбища, секция 21А.

Гольденберг А.Б.

Золотухин Борис Андреевич родился 5 июня 1930 года в городе Москве. Поступил в школу в 1937 году и окончил ее в 1948 году. С 1948 по 1952 год учился в Московском юридическом институте, окончив его с дипломом юриста. По окончании института был направлен на работу в органы прокуратуры.

Золотухин Б.А. с 1952 года по март 1959 года работал в органах Прокуратуры города Москвы: народным следователем прокуратуры и прокурором отдела по надзору за рассмотрением уголовных дел судами. Согласно характеристике от 28.02.1959, выданной Золотухину Б.А. в прокуратуре, он являлся юридически подготовленным и культурным

работником; произносимые им в суде речи по стилю изложения грамотны. В то же время в характеристике отмечено: «Существенным недостатком тов. Золотухина являлась либеральная позиция по отношению к ряду лиц, по делам которых ему поручалось государственное обвинение. На это обстоятельство тов. Золотухину указывалось при его аттестации».

Несвойственная для прокуроров оговорка в характеристике появилась после того как Борису Андреевичу в качестве государственного обвинителя было поручено участвовать в большом групповом деле о хищениях в системе вторсырья. Ознакомившись с делом, он понял, что доказательства хищения отсутствуют, и можно говорить только об обмане потребителей и злоупотреблении служебным положением. Однако с этим был не согласен прокурор города, велевший держаться утвержденного обвинительного заключения. Но строптивый Золотухин с этим не согласился и просил суд оправдать подсудимых по обвинению в хищениях и переквалифицировать обвинение на менее тяжкие статьи уголовного кодекса. За такой демарш руководство городской прокуратуры отстранило Золотухина Б.А. от поддержания обвинений в судах и стало критиковать за либерализм. Вероятно, именно такое несправедливое отношение и стремление к правильному соблюдению закона и привели Бориса Андреевича в адвокатуру.

Золотухин Б.А.

В июне 1959 года был принят в Московскую городскую коллегия адвокатов и через некоторое время возглавил юридическую консультацию № 2 Дзержинского района. Придя в адвокатуру, Золотухин Б.А. зарекомендовал себя как квалифицированный специалист, занимающийся уголовными делами. Успешно провел защиту по ряду сложных дел, освещавшихся в советской и зарубежной прессе.

Вот как о нем отзывалась адвокат Каминская Д.И.: ««Борис был прекрасным судебным оратором и блестящим адвокатом. У него была репутация образованного юриста и принципиального, независимого человека. Природа наградила его талантом, который сочетался с требовательностью к себе и постоянной неудовлетворенностью собой».

В 1963 году Борис Андреевич был избран членом Президиума МГКА, и в этом качестве возглавлял сектор обобщения практики. В Общественном научно-исследовательском институте судебной защиты принимал участие в деятельности сектора уголовно-правовых проблем судебной защиты.

В январе 1968 года в Московском городском суде слушалось дело обвинявшихся в антисоветской агитации и пропаганде Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой. Золотухин Б.А. защищал Гинзбурга, остальных подсудимых – Каминская Д.И., Ария С.Л. и Швейский В.Я. Обвинение Александра Гинзбурга заключалось в составлении и публикации за пределами СССР сборника под названием «Белая книга» и контактах с эмигрантской антисоветской организацией «Народно-трудовой союз».

Выступая в прениях, адвокат Золотухин Б.А. не побоялся жестко критиковать обвинение и спорить с прокурором, он поэпизодно проанализировал доказательства и в итоге своего выступления заявил: «Оказалось, что материалов, позволяющих вынести обвинительный приговор, в деле нет. ...Независимо от того, хорош или плох Александр Гинзбург, он невиновен и по закону подлежит оправданию».

Речь Золотухина Б.А. получила высокую оценку у коллег.

Тем не менее, 21 марта 1968 года Бюро Дзержинского райкома КПСС города Москвы исключило Золотухина Б.А. из членов КПСС, после чего Президиум МГКА решением от 26.03.1968 освободил его от руководства юридической консультацией. На заседании Президиума МГКА случившееся объяснялось так: «Дело связано с тем, что в речи, которую произнес т. Золотухин, был кусок, который был записан кем-то из присутствовавших в зале, а потом передан за границу. За границей он был опубликован как выдержка из речи защитника Гинзбурга. В этом куске его речи есть целый ряд положений, которые дали возможность нашим идеологическим противникам из американского радио, из Англии и ФРГ возводить клевету на наш общественный и государственный строй. Вот за потерю политического чутья, за потерю

Золотухин Б.А.

политической бдительности при ведении защиты т. Золотухин исключен из партии. На заседании Бюро много раз подчеркивается, что мы вас, как адвоката, не судим, это ваша профессиональная обязанность защищать человека, но вы, как коммунист, как гражданин, не должны забывать интересы нашей страны, и в своих речах не давать никаких поводов для того, чтобы речь могла быть использована нашими классовыми и идеологическими врагами... Причина не в том, что он проводил принципиальную защиту и признавал Гинзбурга невиновным, а причина в том, что, не обдумав речь, он запутался в оценке ряда положений, чем дал возможность нашим противникам использовать против нас».

После этого 14.06.1968 года Президиум МГКА исключил Золотухина Б.А. из коллегии, посчитав, что он «совершил дисциплинарный проступок, заключающийся в том, что он в своей речи в защиту Гинзбурга допустил политически-небрежные формулировки, давшие возможность использовать их нашим идеологическим врагам во вред Советскому государству и правосудию, и не принял мер к их опровержению».

Будучи отлученным от адвокатуры, Борис Андреевич с сентября 1968 года по ноябрь 1988 года работал юрисконсультom в различных московских организациях.

Как пояснил сам Золотухин Б.А. в своей автобиографии, датированной 4.02.1988, в дальнейшем Комитет партийного контроля при ЦК КПСС снял с него все политические обвинения и восстановил в партии. Затем он направил заявление в Президиум МГКА с просьбой рассмотреть вопрос о его восстановлении в адвокатуре, в связи с чем Президиум создал специальную комиссию решением от 15.12.1987.

В январе 1988 года инициативная группа в числе писателя Искандера Ф.А., народного артиста СССР Рихтера С.Т., драматурга Лунгина С.Л., писателя Окуджавы Б.Ш. и академика АМН Воробьева А.И. обратилась в Президиум Московской городской коллегии адвокатов в связи с созданием в ней Комиссии по рассмотрению заявления Золотухина Б.А. о восстановлении его в адвокатуре. В обращении было указано на беспрецедентный случай изгнания адвоката из его корпорации за защитительную речь, произнесенную в судебном процессе, широко освещавшемся советской и зарубежной печатью. Адвокат добросовестно и честно выполнил свой профессиональный долг, показав, что он служит истинному, а не мнимому правосудию. Принципиальная позиция, занятая Золотухиным Б.А. на этом процессе, не взирая на сложность обстановки, делает честь советской адвокатуре.

Возвращение Золотухина Б.А. в коллегию адвокатов представляется делом принципиальной важности. Эпоха гласности и торжества социальной справедливости требует безотлагательного исправления ошибок, допущенных в период застоя.

Золотухин Б.А.

В КОМИССИЮ ПРЕЗИДИУМА МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ КОЛЛЕГИИ
АДВОКАТОВ ПО РАССМОТРЕНИЮ ЗАЯВЛЕНИЯ Т. ЗОЛОТУХИНА Б.А.

Нам стало известно, что президиум Московской городской коллегии адвокатов создал комиссию по рассмотрению заявления Б.А.Золотухина о восстановлении его в адвокатуре.

Исключение Б.А.Золотухина из коллегии адвокатов в 1968 г. встревожило всех тех, кто озабочен состоянием отечественного правосудия. Насколько мы знаем, это был беспрецедентный случай изгнания адвоката из его корпорации за защитительную речь, произнесенную в судебном процессе, широко освещавшимся советской и зарубежной печатью. Конспект этой речи, передававшийся в то время из рук в руки, свидетельствует о том, что адвокат добросовестно и честно выполнил свой профессиональный долг, что он служит истинному, а не мнимому правосудию. Принципиальная позиция, занятая Б.А.Золотухиным на этом процессе, невзирая на сложность обстановки, делает честь советской адвокатуре. Тем более огорчительно было узнать, что сама адвокатская корпорация исключила Б.А.Золотухина из своих рядов.

Эпоха гласности и торжества социальной справедливости требует безотлагательного исправления ошибок, допущенных в период застоя. В этой связи одна из насущных задач, стоящих перед нашим обществом - возвращение к активной работе людей, необоснованно подвергшихся преследованию. Вот почему возвращение Б.А.Золотухина в коллегию адвокатов представляется нам делом принципиальной важности. Теперь, когда день ото дня всё больше утверждается новое мышление, этот вопрос может и должен быть решен самой адвокатурой в полном соответствии с законом и совестью. Исправление ошибки, допущенной в отношении Б.А.Золотухина, не только восстановит поправную справедливость, но и будет способствовать росту престижа нашей адвокатуры.

В.Окуджава

Р.И.Искандер

Селунин

Свободный

3/188Г

В ходе работы Комиссии в нее поступили обращения ряда авторитетных адвокатов, в числе которых Кисенинский М.М., охарактеризовавший Золотухина Б.А. как блестящего представителя корпорации, всесторонне

Золотухин Б.А.

образованного человека, человека высокой культуры, прекрасного адвоката, отзывчивого и доброго.

Заведующий юридической консультацией № 19 МГКА Петров В.А. потребовал дать правильную и честную оценку бесстыдной акции над Золотухиным Б.А., опозорившей адвокатуру. По мнению Петрова В.А., Золотухин был украшением Московской коллегии, он прекрасный судебный оратор, человек большой культуры и широкой эрудиции, честный и принципиальный человек.

В свою очередь, адвокат Московской областной коллегии адвокатов Ария С.Л., участвовавший вместе с Золотухиным Б.А. в качестве защитника на том же процессе, указал, что он знает Золотухина Б.А. по совместному участию в ряде процессов как адвоката высокой квалификации, его позиция по делу Гинзбурга обсуждалась ими до начала прений, и никаких оснований для исключения Золотухина Б.А. за произнесенную им речь, не было.

В итоге Комиссия МГКА большинством голосов пришла к выводу, что решение Президиума от 14.06.1968 об исключении Золотухина Б.А. из коллегии подлежит отмене, а Золотухин Б.А. – восстановлению в Московской городской коллегии адвокатов.

Адвокат Золотухин Б.А. в 1990 году был избран народным депутатом, а с ноября 1991 года - членом Совета Республики Верховного Совета России. Являлся заместителем председателя комитета Верховного Совета по законодательству, членом Комиссии Президиума Верховного Совета по вопросам русского зарубежья, членом Конституционной комиссии, был членом фракции «Радикальные демократы» и парламентской «Коалиции реформ», участвовал в работе фракции «Демократическая Россия» и Московской депутатской группы.

В сентябре-декабре 1993 года был заместителем председателя Комиссии законодательных предположений при Президенте РФ, с 1996 года председателем Палаты по правовой политике и федеральному устройству Политического консультативного совета.

В 1993—1995 годах — депутат Государственной думы России первого созыва, был заместителем председателя фракции «Выбор России» и заместителем председателя Комитета по законодательству и судебно-правовой реформе Государственной думы.

Являлся одним из разработчиков судебной реформы, активным сторонником введения в Российской Федерации суда присяжных.

Давая интервью в сентябре 1987 года, Борис Золотухин так объяснил свое желание заняться законотворческой деятельностью: ««Я мечтал участвовать в проведении судебной реформы, в которой так нуждалась Россия. Необходимо было

Золотухин Б.А.

создать независимую, самостоятельную судебную власть, возродить уничтоженный большевиками суд присяжных, построить судебный процесс на принципах состязательности и равенства сторон — обвинения и защиты, — сделать еще многое другое, чтобы превратить Россию из бессудной земли в правовое государство. Моя мечта сбылась. На Съезде народных депутатов я был избран в Конституционную комиссию, где руководил рабочей группой по главе «Судебная власть», а в Комитете по законодательству Верховного Совета мне поручили руководить Подкомитетом по судебной реформе. В начале октября 1991 года мы закончили подготовку Концепции судебной реформы — единственного в своем роде целостного плана строительства одной из трех ветвей государственной власти. Верховный Совет 24 октября 1991 года утвердил Концепцию. Началась работа по воплощению ее в жизнь».

Один из соавторов судебной реформы, Пашин С.А. говорил про Золотухина Б.А., что тот был не только носителем высоких идеалов права, но примером того, как могут жить люди в постсоветском обществе, при демократии. Это действительно государственный деятель, который думает не о сиюминутном, а о судьбе России.

Золотухин Б.А.

Зурабов Сергей Оганесович

родился в 1924 году в городе Москве в семье служащих. В 1941 году окончил среднюю школу №130 города Москвы, в августе 1942 года добровольно вступил в ряды Красной Армии, после чего был направлен во Владимирское военное училище, которое окончил в 1943 году в звании младшего лейтенанта. Участвовал в боях на Ворошиловском и 1-м Украинском фронтах. В 1944 году был тяжело ранен, и по инвалидности демобилизован из Советской армии. В 1948 году окончил экстерном полный курс Московского юридического института, ему была присвоена квалификация «юрист». В 1949 году по направлению Министерства юстиции СССР был направлен в МГКА.

Стажировку Зурабов С.О. проходил под руководством адвоката Френкеля Л.З., за это время им было проведено самостоятельно 10 дел, из них 7 уголовных и 3 гражданских; было дано 116 устных советов. По завершении стажировки ее результаты были представлены специальной комиссии в составе таких авторитетнейших московских адвокатов как Яхнич Л.М., Липскеров А.Д., Россельс В.Л., Чижов К.Д. Были изучены 116 регистрационных карточек, дневник стажера Зурабова С.О., заключение адвоката Френкеля Л.З. о прохождении стажа товарищем Зурабовым С.О., его отчет о работе в качестве стажера, 10 досье по проведенным делам. По результатам работы указанной комиссии, она сочла возможным рекомендовать Президиуму МГКА перевести стажера Зурабова С.О. в число членов коллегии, и просить товарища Френкеля Л.З. и впредь оказывать помощь в работе молодому адвокату Зурабову С.О. После прохождения стажировки в марте 1950 года был принят в адвокаты и направлен для работы в юридическую консультацию Ждановского района города Москвы.

Зурабов С.О.

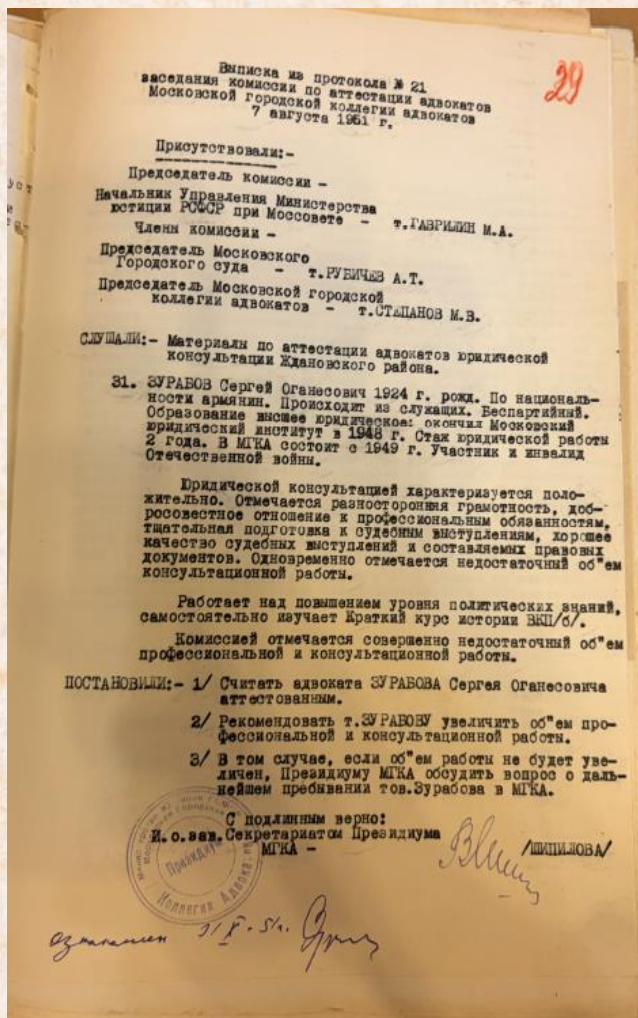

Работал также в юридической консультации Кировском района города Москвы. При прохождении Зурабовым С.О. аттестации в августе 1951 года он характеризовался положительно, отмечалась его разносторонняя грамотность, добросовестное отношение к профессиональным обязанностям, тщательная подготовка к судебным выступлениям, хорошее качество правовых документов. В другой характеристике за июль 1951 года было указано, что Зурабов С.О. разносторонне развит и литературно эрудирован, что положительным образом отражается на произносимых им речах. В своих судебных выступлениях всегда дает правовой анализ дела, подкрепляя его ссылками на соответствующие юридические источники и нормативные акты.

Когда Зурабов С.О. был избран в члены Президиума МГКА, ему поручалась организация контроля качества работы адвокатов в юридических консультациях и проверка работы адвокатов по поручениям Президиума.

В 1975, 1977, 1981, 1984, 1987, 1990, 1993, 1996 и с апреля 1987 года – руководство приемной комиссией, а также контроль за рассмотрением жалоб в аппарате Президиума МГКА.

Поздравляя Зурабова С.О. в 1984 году с 60-летием со дня рождения Президиум МГКА отмечал, что он еще долгие годы будет являть собой пример подлинного адвокатского мастерства и верного служения советскому правосудию. Коллеги характеризовали Сергея Оганесовича как исключительно доброжелательного человека, высококвалифицированного юриста, активного общественника, всю свою жизнь сознательно посвятившего защите прав и законных интересов граждан, делу укрепления социалистической законности.

29 октября 2011 года адвокат Зурабов С.О. направил в Президиум МГКА заявление с просьбой отчислить его из состава коллегии в связи с тяжелым и длительным заболеванием. 31 октября 2011 года Зурабов С.О. был отчислен из МГКА в связи с уходом на пенсию.

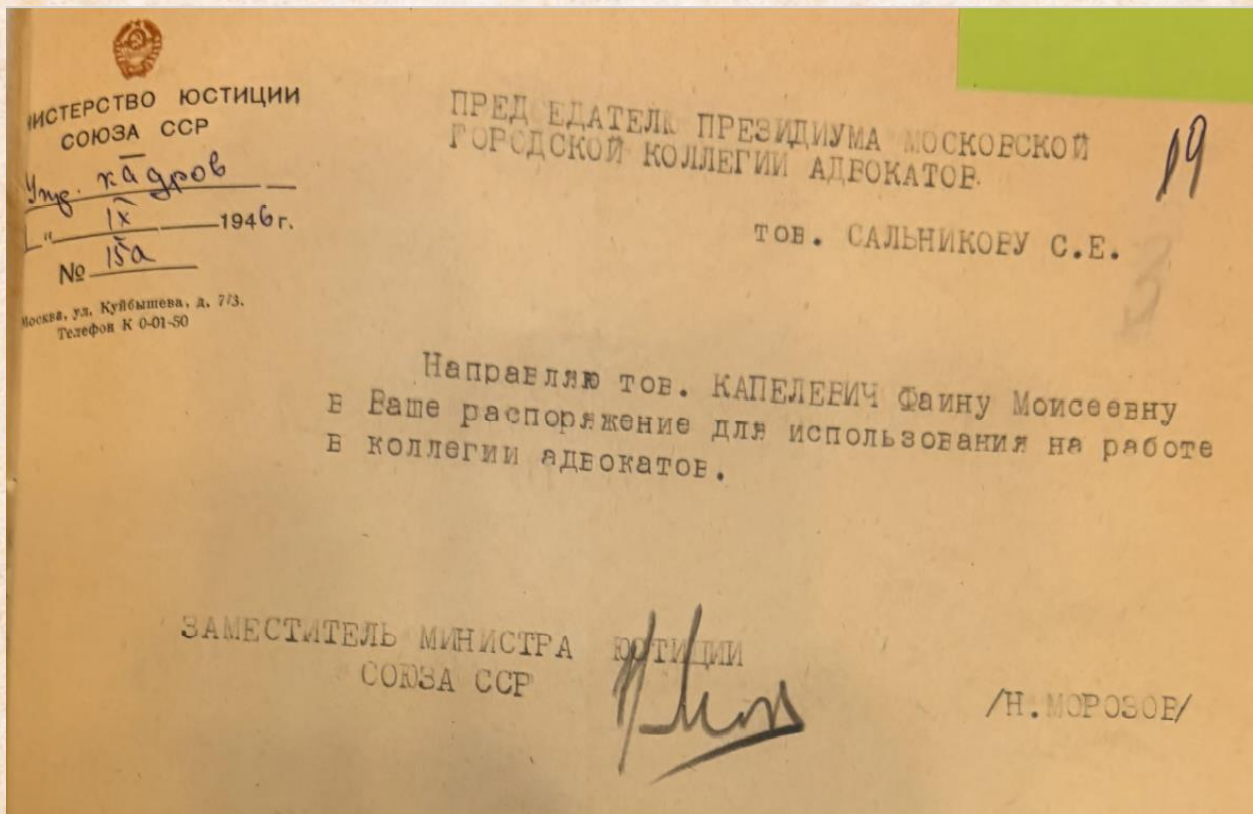
Зурабов С.О.

Капелевич Фаина Моисеевна

родилась 15 апреля 1923 года в городе Перми, откуда переехала с семьей в Москву в 1928 году. С 1940 года являлась членом профсоюза работников суда и прокуратуры. В 1940 году, после окончания школы, поступила в Московский юридический институт. В связи с началом Великой Отечественной войны 2 и 3 курсы оканчивала в городе Алма-Ата, куда была эвакуирована. В 1944 году окончила Московский юридический институт, и была оставлена в аспирантуре по кафедре гражданского процесса, где обучалась с 1944 по 1946 годы.

В 1946 году была направлена на работу в Московскую городскую коллегия адвокатов. Работала в юридических консультациях Первомайского и Фрунзенского районов города Москвы. В 1948 году окончила Высшие курсы усовершенствования адвокатов.

В характеристике от 04 сентября 1951 года про адвоката Капелевич Ф.М. указано, что она ведет уголовные и гражданские дела, а также обслуживает по договорам два завода. За первое полугодие 1951 года дала 87 бесплатных советов и составила 7 заявлений; провела 8 уголовных дел по первой инстанции; 6 – по второй инстанции; и 3 дела – по назначению в порядке ст. 55 УПК РСФСР. Кроме того, провела 7 гражданских дел. При аттестации Капелевич Ф.М. в октябре 1951

Капелевич Ф.М.

года было отмечено, что она характеризуется положительно, отмечается удовлетворительное качество профессиональной работы и хорошая подготовка к судебным выступлениям, активное участие в общественной работе.

В характеристике от 05 января 1956 года указано, что за 1955 год ею проведено 421 гражданское дело и 4 уголовных дела, дано 153 совета.

Неоднократно избиралась председателем местного комитета, и секретарем ревизионной комиссии Президиума МГКА, являлась членом правовой комиссии Фрунзенского райисполкома города Москвы.

Капелевич Ф.Н. была награждена медалями «800-летие Москвы» (1948 год), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годы» (1992 год), «50 лет Победы в Великой Отечественной войне» (1995 год), «850-летие Москвы» (1997 год), «60 лет Победы в Великой Отечественной войне» (2005 год), «65 лет Победы в Великой Отечественной войне» (2010 год), «Ветеран труда» (1981 год), орденом «За верность адвокатскому долгу» (2004 год).

Постановлением Президиума МГКА от 01.11.2011 Капелевич Ф.М. внесена в Книгу Почета Московской городской коллегии адвокатов.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы №52 от 19.04.2012 года имя Капелевич Фаины Моисеевны занесено в Книгу Почета московской адвокатуры.

09.12.2015 Капелевич Ф.М. направила в Президиум МГКА заявление с просьбой отчислить ее из коллегии в связи с ухудшением состояния здоровья. Адвокатский статус Фаины Моисеевны был прекращен с 30 декабря 2015 года постановлением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 17.12.2015 №14.

Капелевич Ф.М.

Карпинская (девичья фамилия - **Черняк**) **Ирина Саадиевна**

родилась 13 декабря 1921 года в городе Киеве. В 1938 году вместе с семьей переехала в Москву, где в 1939 году окончила 286-ю московскую школу и в этом же году поступила в Московский государственный юридический институт. С 1941 по 1943 годы находилась в эвакуации в г. Куйбышеве, где сначала работала юрисконсультантом, а затем в г. Челябинске работала адвокатом. В 1942 году была принята стажером, а затем стала адвокатом Челябинской областной коллегии адвокатов. Диплом юриста получила в 1945 году.

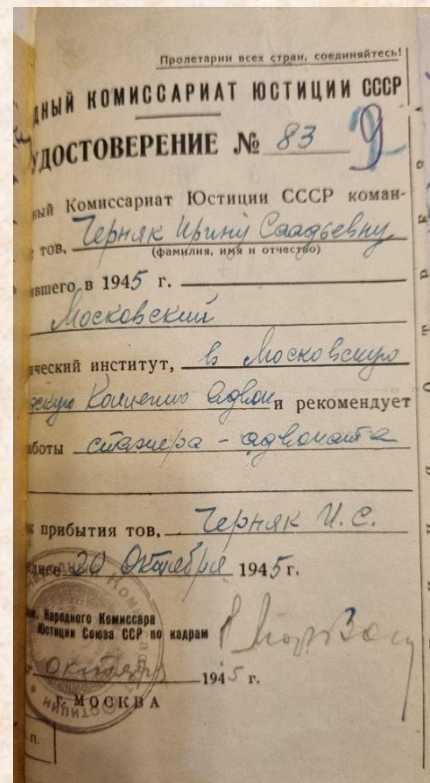
С октября 1945 года — адвокат Московской городской коллегии адвокатов.

После прихода в МГКА была направлена на работу в юридическую консультацию Москворецкого района города Москвы.

Не все сначала было успешно у молодого адвоката Карпинской И.С. В ее характеристиках того времени можно встретить замечания о недостаточной юридической грамотности, необходимости работы над повышением своей квалификации и потребности в контроле со стороны более опытных адвокатов, в связи с чем за ней как наставник был закреплен адвокат Кесслер М.А.

В характеристике за май 1949 года указано, что Ирина Саадиевна некоторое время была прикреплена к опытному адвокату, а затем стала работать самостоятельно, выступая по уголовным и гражданским делам. В то же время руководство юридической консультации Москворецкого района указало на необходимость углубления теоретических познаний, более внимательного отношения к составлению деловых бумаг и ведению консультационных приемов.

Уже вскоре в характеристике от 27 января 1953 года было записано, что Карпинская И.С. является молодым способным адвокатом, ведущим как гражданские, так и уголовные дела; ведет консультационную работу; работает

Карпинская И.С.

над повышением своего идейно-политического уровня, занимаясь в группе адвокатов при РК КПСС. На теоретическом семинаре юридической консультации 18 декабря 1952 года сделала обстоятельный доклад на тему «О судебной практике по бракоразводным делам».

В последующем, в характеристике от 15 апреля 1970 года было записано, что Карпинская И.С. к выполнению адвокатских обязанностей относится добросовестно, является способным, высококвалифицированным адвокатом, успешно ведет сложные уголовные дела в различных судебных инстанциях. Ее судебные речи отличаются хорошей логикой, четкой юридической аргументацией, глубоким анализом доказательств. Пользуется высоким авторитетом в коллективе юридической консультации.

Карпинская И.С. неоднократно избиралась в состав квалификационной комиссии МГКА.

В своих «Очерках истории Московской адвокатуры», вышедших в свет в 2006 году, Рогаткин А.А., являвшийся председателем МГКА с 1993 по 1997 годы, не один раз вспоминает добрыми словами адвоката Карпинскую И.С., указывая, что в нужных ситуациях она всегда оказывалась на высоте и не раз выручала коллегию.

По стопам Ирины Саадиевны пошла её внучка Карпинская Ксения Сергеевна, в настоящее время успешно работающая в одном из московских адвокатских образований.

Далее мы приведем небольшой рассказ человека, который знал Ирину Саадьевну и назвал свои воспоминания «Железная леди» советской адвокатуры. Это актер, режиссер и сценарист Николай Викторович Глинский.

«О ней непременно напишут книги, снимут сериалы и на зданиях, связанных с ее именем, будут крепить памятные доски: «Здесь жила и работала выдающийся адвокат Ирина Саадьевна Карпинская». Это рано или поздно произойдет, потому что, исполняя свой профессиональный долг, она бесстрашно вступала в бой с государственной машиной, заставляла ее барахлить, совершать ошибки и отступаться от своих жертв. Делала это она легко, изящно, хотя и принадлежала к любимому типу женщин Рубенса. И всегда готова была улыбаться и даже веселиться в большой компании, которую часто и собирала вокруг себя до последних дней жизни. Жизнь она очень любила. Хотя знала о ней невероятное количество мерзостей и гадостей. Она презирала расчет на то, что ложь сильных в настоящий момент людей, может стать правдой для слабых. Подобный расчет отметала с первого момента ознакомления с делом. Считала: правду всегда можно узнать. Рано или поздно правда будет известна всем. Сила нужна лжи. Правде – нет. Правде нужно только желание ее узнать. Таково было ее творческое кредо.

Карпинская И.С.

Один из эпизодов ее профессиональной деятельности, которому был свидетелем.

Весной 1978 года в Москве случилась трагедия, сюжет которой будет десятилетиями обсуждаться на всех телевизионных каналах.

От ножевого ранения кухонным ножом погиб молодой актер Вахтанговского театра Станислав Жданько. В комнате было двое — он и его возлюбленная, известная киноактриса Валентина Малявина. Что стало причиной рокового удара, как позже выяснилось, в самое сердце, — было абсолютно непонятно. Никому. В том числе и матери погибшего. Простой женщине из маленького сибирского городка, где она одна воспитывала сына. Месяца через три после похорон из прокуратуры на ее запросы получила ответ: «Следствие ведется, виновных нет».

Стас был моим другом, накануне гибели был у меня в гостях. Ничто не предвещало беды. Защищать интересы матери в столице, совершенно случайно, стала И.С. Карпинская. Услышав краткую историю взаимоотношений любовной пары и то немного, что было известно, она поразила меня своим выводом — «Она его убила». В это было трудно поверить. Так же как и в самоубийство. Но мало ли что происходит в нашей жизни из того, во что невозможно поверить. Через полгода следствие было закончено. Судебно-криминалистическая и психологическая экспертизы установили: Станислав Жданько совершил самоубийство.

Мама вместе с Карпинской листали в кабинете следователя Ленинского района города Москвы представленный им пухлый том прекращенного дела. «Это не его почерк!» — вдруг закричала мать. На аккуратно вырезанном листке было написано: «Прошу в моей смерти никого не винить!» — «Это не его почерк!» — невероятно волнуясь, повторяла мать. «А откуда эта записка?» — поинтересовалась адвокат. «С места происшествия», — ответил следователь Мишин. «Но в протоколе осмотра места происшествия упоминания о ней нет. А где почерковедческая экспертиза?» — «Мы посчитали, что она не нужна». Не было и протокола первого допроса Малявиной. «Не успели расшифровать: это магнитофонная запись, — объяснил следователь. — У меня же не одно это дело».

Карпинская написала возражение на его прекращение. Дело вновь было возобновлено. И снова закрыто после дополнительного расследования, которое подтвердило заключение предыдущего: самоубийство. Однако записка из дела исчезла, а расшифровка первого допроса Малявиной так и не появилась. Карпинская вновь пишет возражение и следствие вновь возобновляют. Следователя меняют. Теперь делом занимаются сразу несколько следователей. Количество опрошенных вырастает до 50.

Пять бригад следователей в течение пяти лет через разные промежутки времени дело закрывали по тем же основаниям. Карпинская «возражала». Следствие возобновлялось. Все это время в центральной прессе «золотые перья»

Карпинская И.С.

советской журналистики доказывали: это самоубийство. И это в то время, когда следствие все еще продолжалось! Для какой цели это делалось? Спасти Малявину? Нет, конечно! – Просто избавить советское кино от возможных неприятностей. Фильмы с участием осужденного по умолчанию должны были исчезнуть с телевизионных экранов. Какие праздники, например, без эпопеи «Красная площадь», где Малявина исполняла главную женскую роль?

Но в 1982 году в СССР меняется верховная власть. У руля государства оказывается новый партийный клан. Членов прежнего вычищают за ненадобностью. У кого-то на самом верху возникает нужда в дополнительной экспертизе. Новая, института им. Сербского, устанавливает: «данное ранение было нанесено посторонней рукой» (у/д № 775/16, начато 17.04.1978).

Благодаря профессиональной работе И.С. Карпинской, со Жданько С.А. был снят грех самоубийства. Что, конечно, было чрезвычайно важным событием для его матери и тех, кто любил этого талантливейшего молодого актера. Его можно увидеть в хорошем фильме «Ошибки юности», где он исполняет главную роль.

В 1983 году состоялся суд над Малявиной. Карпинской противостояли звезды советской адвокатуры, звезды кино, которые призывали суд «спасти Малявину для советского кино». Но на основании судебно-медицинской экспертизы Малявина В.А. была осуждена за умышленное убийство. Следователь Мишин и автор первоначальной экспертизы Быков также понесли наказания.

В Советском Союзе адвокат была профессией, по сути, фигурой декоративной, - вынужденная уступка остальной цивилизации. Мы, мол, тоже не лыком шиты. И у нас есть закон, следствие, суд.

Ничего этого не было. Существовали, как мы сегодня знаем, симулякры этих институтов. Была власть и люди, которые ее обслуживали, или делали вид, что служат ей. Никто, собственно, эту власть не защищал, когда она кончалась в три августовских дня 1991 года.

Но во все времена есть профессии, где между ложью и преступлением проходит очень тонкая грань. И всегда были те, кто находил в себе силы во всех обстоятельствах оставаться и профессионалами, и людьми. Что порой было непросто. И таких людей было, слава Богу, очень много. Среди них имя адвоката Карпинской И.С. Оно достойно нашей долгой и благодарной памяти.

Было одно слабое место у «железной леди» советской адвокатуры: она до самозабвения любила свою дочь и внуков. И любовь эта прорастает в них и приносит, как мы знаем, замечательные плоды».

Всегда благодарный великолепной Ирине Саадьевне,
Николай Попков (Глинский)

Карпинская И.С.

Катц Леонид Захарович

родился 18 июня 1887 года в г. Москве в семье служащего.

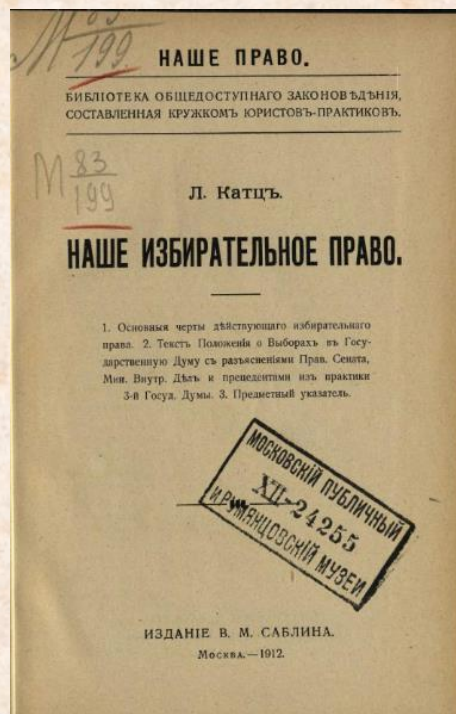
Учился в гимназии, после чего поступил и окончил в 1908 году юридический факультет Московского государственного университета, получив диплом 1-й степени.

С 1909 по 1917 годы был помощником присяжного поверенного. В справочнике за 1916 год Катц Л.З. значится помощником присяжного поверенного Коновицера Е.З. с указанием даты принятия в адвокатуру – 25 февраля 1909 года.

Судя по сохранившимся документам, Леонид Захарович в советское время не стремился распространяться на тему о своей дореволюционной работе. Тем не менее, в фондах Российской Государственной библиотеки хранятся труды двадцатипятилетнего Леонида Катца, изданные в Москве в 1912 году: книга «Наше избирательное право», вышедшая под эгидой «Библиотеки общедоступного законовещения, составленная кружком юристов-практикой» и брошюра «Положение о выборах в Государственную Думу 3-го июня 1907 г».

Сам Катц Л.З. в своей автобиографии указал, что, придя в присяжную адвокатуру, занимался ведением политических и уголовных дел. Касаясь этой темы, на 80-летнем юбилее мэтра, отмечавшемся в МГКА, адвокат Склярский И.В. говорил:

«Мне памятно, что когда мы готовились отметить 40-летие Советской адвокатуры, пришлось соприкоснуться с выпиской из газеты дореволюционного времени, в которой сообщалось, что помощник присяжного поверенного Леонид Захарович Катц выступил с защитой по политическому процессу. <...> Его переход с первых дней в советскую адвокатуру является по существу, продолжением той деятельности, которую он осуществлял в дореволюционное время в адвокатуре

с прогрессивных позиций. И этому делу Леонид Захарович посвятил всю свою большую жизнь».

С 1919 по 1920 годы Катц Л.З. оказывал правовую помощь в качестве правозащитника, с 1921 по 1922 годы был заведующим детской опекой в московском отделе Народного образования. В 1922 году вступил в Московскую губернскую коллегия защитников.

В публиковавшемся в 1926 году списке защитников Московской губернской коллегии Катц Л.З. значится как проживающий по адресу Большой Николопесковский переулок, д. 4, кв. 3.

В период с 1926 по 1933 годы, во время так называемых «чисток» Катц Л.З. несколько раз исключался из Московской коллегии защитников, однако эти решения впоследствии отменялись как необоснованные. Защищая его, сослуживцы на заседании Президиума Московской областной коллегии защитников от 16 апреля 1934 года отмечали: «Тов. Катц является высококвалифицированным специалистом, работа коего в коллегии желательна; у Президиума МОКЗ никаких оснований к недопущению тов. Катц к работе в коллегии защитников не имеется».

После начала Великой Отечественной войны, находясь в эвакуации с января 1942 по февраль 1943 года, являлся членом Ташкентской областной коллегии адвокатов и работал в юридической консультации Куйбышевского района г. Ташкента. Обслуживал райвоенкомат и призывной пункт, занимался защитой по назначению, юридической помощью эвакуированным, организацией сбора средств в помощь Красной армии.

Катц Л.З. активно участвовал в работе научной секции Института права Академии наук СССР, в том числе в эвакуации подготовил и прочитал доклады на темы «Об уголовной ответственности за разбазаривание», «Водные преступления по Уголовному Кодексу Узбекской ССР», «О защите обвиняемых с противоречивыми интересами», «О методике подготовки по уголовному делу».

Леонид Захарович сотрудничал с театральным сообществом Москвы, о чем, в числе прочего, свидетельствует направленное в его адрес 3 февраля 1943 года из Московского профессионального комитета драматургов благодарственное письмо за бескорыстную работу, которую он проводил в этом Комитете. Здесь написано: «Мы всегда будем помнить нашу совместную жизнь в условиях эвакуации, считая Вас замечательным, отзывчивым товарищем и прекрасным юристом, так как Ваша деловая консультация являлась конкретной помощью всему нашему коллективу и всегда давала хорошие результаты».

Вернулся Леонид Захарович в Москву 14 февраля 1943 года и уже 19 февраля 1943 года был восстановлен в столичной адвокатуре решением Оргбюро МГКА.

Катц Л.З.

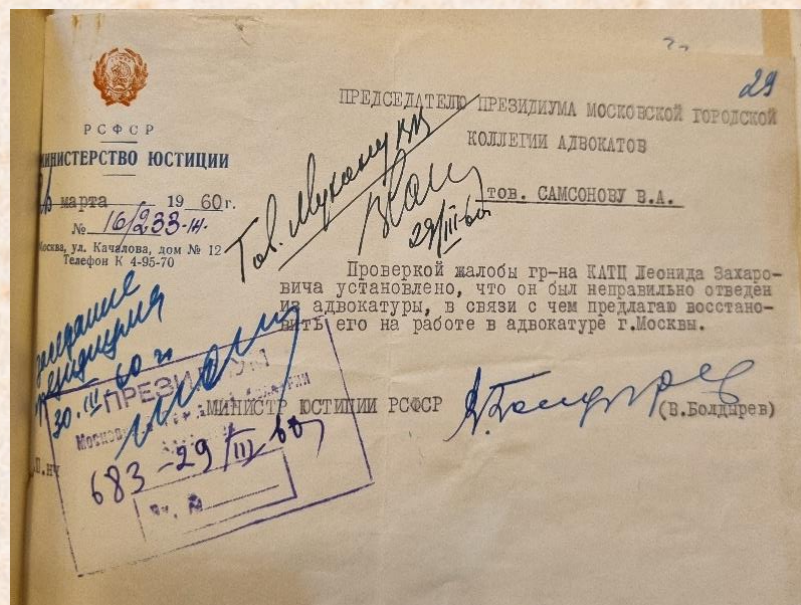
В характеристике от 12 мая 1947 года, данной руководством юридической консультации Фрунзенского района г. Москвы, указано, что Катц Л.З. «является одним из высококвалифицированных ведущих адвокатов консультации и, пожалуй, Московской Городской Коллегии Адвокатов. Общеизвестный мастер судебно-ораторского искусства. Свои опыт передает другим адвокатам путем осуществления патронажа над стажерами, дачи консультаций многим адвокатам по сложным вопросам защиты. Является председателем криминалистической секции при Президиуме МГКА».

19 февраля 1948 года Катц Л.З. был отчислен из МГКА по указанию Министра юстиции СССР Горшенина К.П. со ссылкой на статью 12 Положения об адвокатуре («Народному Комиссару юстиции Союза ССР и Народному комиссару юстиции союзной республики принадлежит право отвода принятых в коллегия адвокатов»). Мотивы такого решения Минюстом не приводились, в связи с чем Президиум МГКА обратился с ходатайством об отмене приказа Министра в отношении Катца Л.З. и восстановлении его в адвокатуре, учитывая его многолетнюю работу и высокую квалификацию.

Отдельное письмо в Президиум МГКА направил известный адвокат Оцеп М.А., поддерживая предложение о восстановлении Катца Л.З. В своем обращении он написал: «Считаю, что т. Катц принадлежит к той группе адвокатов, которая характеризуется высокопрофессиональной квалификацией, проявляя эрудицию в вопросах права, демонстрируя высокую культуру мысли и речи». За восстановление в адвокатуре Катца Л.З. также отдельной запиской высказался член Президиума МГКА Раусов Г.С.

Длительное время обращения в органы юстиции не давали никаких результатов, и Катц Л.З. устроился работать юрисконсультантом в московский Театр имени Ленинского комсомола. Но при этом он не оставлял намерений вернуться в адвокатуру.

Ошибка была признана только в 1960 году, когда по итогам рассмотрения очередной жалобы Леонида Захаровича, Министр юстиции РСФСР Болдырев В.А. направил в МГКА письмо с признанием факта, что Катц Л.З. «был неправильно отведен из адвокатуры», и предложил в этой связи восстановить его на работе, что и было сделано

Катц Л.З.

Президиумом МГКА 8 апреля 1960 года.

Вот как о произошедшем в судьбе Катца Л.З. говорил впоследствии известный ученый, профессор Строгович М.С.:

Я напому одну неприятную вещь – о той вопиющей грубой несправедливости, которая была проявлена к Леониду Захаровичу некоторое время назад. И вот тогда он себя показал как следует: достоинство, с которым он тогда держался, та принципиальность, которую он проявил, та вера в правоту своего дела, нежелание, неспособность к малейшему компромиссу. И вот этот период, этот эпизод еще больше усилил то глубокое уважение, которое Леониду Захаровичу оказывали все, кто его знает.

В дальнейшем Катц Л.З. принимал участие в работе Методического совета МГКА, занимался дисциплинарной практикой, делал научно-методические доклады о ведении защиты. На юридическом факультете Московского государственного университета вместе с рядом других адвокатов читал спецкурс «Советская адвокатура». Являлся председателем правления Клуба творческих встреч МГКА.

Коллеги по юридической консультации № 1 Свердловского района г. Москвы характеризовали Катца как имеющего большой опыт адвокатской работы, отмечая принципиальность и настойчивость «в осуществлении советского правосудия по проводимым им делам». В характеристике, датированной 1961 годом указано, что тов. Катц является высококвалифицированным юристом-криминалистом, хорошо знающим уголовное право и процесс; образцово проводит защиту по сложным уголовным делам.

О профессионализме Катца Л.З. и том впечатлении, которое он оказывал на коллег, рассказала в своей книге «Записки адвоката» (2009) знаменитая Дина Исааковна Каминская:

Мне довелось начинать свою работу в коллегии среди адвокатов, сохранивших старые традиции отношения к профессии, старую культуру судебного процесса, старые представления. В те годы в ее составе были действительно выдающиеся адвокаты, выдающиеся судебные ораторы. Много раз я выступала в процессах вместе со старым московским адвокатом, начинавшим свою адвокатскую деятельность еще до революции. Леонид Захарович Катц был блестящий мастер судебного следствия и блестящий судебный оратор. Среди большинства тех, с кем мне приходилось выступать, его отличало совершенно безупречное знание материалов дела. В скольких бы томах ни содержались эти материалы, имели ли они непосредственное отношение к его подзащитному или нет, Леонид Захарович знал все. Он великолепно формулировал свои вопросы. Всегда четко и коротко. Он подходил к выяснению существенных для него обстоятельств издалека. Но ответ на

Катц Л.З.

каждый последующий вопрос логически вытекал из ответа на предыдущий. Леонид Захарович был очень красив. Высокого роста, стройный, с небольшой, очень аккуратно подстриженной бородкой, всегда строго и элегантно одетый, он с годами приобретал все более аристократическую внешность. Мы, адвокаты, между собой его иначе как «английский лорд» не называли. Его речи были образцом ораторского мастерства. В них было все: и четкая конструкция изложения материалов дела, и прекрасный анализ доказательств, и безупречная логика. Катц говорил очень эмоционально. Все, что он использовал как оратор в своей речи, было к месту: и модуляции голоса, и жест, и приведенная цитата.

Имя Катца Л.З. включено в Книгу Почета Московской городской коллегии адвокатов постановлением Президиума МГКА от 4 мая 1972 года. Он был награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За трудовую доблесть».

В связи с 80-летием со дня рождения Катца Л.З. его чествованию было посвящено заседание Президиума МГКА 4 июля 1967 года. Благодаря сохранившемуся протоколу можно получить представление о тех добрых словах, которые были сказаны в адрес юбиляра.

Председатель Президиума МГКА Апраксин К.А.:

Он прошел большую и очень сложную жизнь адвоката-юриста. ... Леонид Захарович является тем приятным исключением из старой адвокатуры, которая перешла на сторону Советской власти с первых дней существования суда, существования советской адвокатуры, и вместе со всем нашим народом трудился на благо укрепления социалистической законности. Его блестящие речи, блестяще проведенные дела – это все, к чему мы стремимся, это все направлено на укрепление нашего законодательства, на укрепление законности.

Член-корреспондент Академии наук СССР Строгович М.С.:

Здесь назывался срок 45 лет работы Леонида Захаровича в советской адвокатуре. Так вот, 45 лет я его знаю лично, с самых первых шагов советской адвокатуры. Я всегда высоко ценил его большую талантливость, его высокую квалификацию. Особенно мне всегда импонировало его упорство, та настойчивость, с которой он отстаивал ту точку зрения, которую считал правильной. Никакими силами его нельзя было свести с того пути, по которому он идет. Это защитник настоящий, защитник подлинный. Это защитник, у которого учились не только молодые адвокаты, но и молодые прокуроры. Могут засвидетельствовать это на своем собственном опыте.

В ответном слове Катц Л.З. так говорил о профессиональном опыте и проблемах, которые он видел:

Действительно, мною руководило настойчивое стремление укрепить на том скромном участке, где мне приходилось работать, наше правосудие. Я

Катц Л.З.

исходил из незыблемого для меня положения, что мощь государства покоится на крепком правосудии.

У нас есть общий недруг – у государства, у правосудия, у граждан, в особенности, у адвокатов – это правовой нигилизм. Не раз я высказывался на эту тему, неустанно призывал к борьбе с ним, самый действенный. Опасность этого недомогания коренится в веках, коренится в известных исторических тяжелых условиях до Октября 1917 года. Но тем более не должно быть этого явления после Октября 1917 года, когда народ вышел на историческую сцену с идеалами, требующими мобилизации всех лучших его сил и каждого в отдельности. Как все адвокаты, и я среди них, чувствую себя мобилизованным в моей работе.

Московская адвокатура, которая насчитывает очень много дарований, преданных, квалифицированных, культурных людей, недостаточно себя проявляет во всю свою мощь. Я думаю, что с ростом наших требований к самим себе, получив конкретную опору, большую, чем раньше, мы все вместе движемся еще сильнее вперед для процветания нашего государства, нашего правосудия, правовой культуры, и в этом мы все получим, надеюсь, полное удовлетворение.

Леонида Захаровича не стало 6 февраля 1977 года, он немного не дожил до своего столетия. Похоронен на Введенском кладбище в Москве.

В основу этого очерка, рассказывающего об **Ирине Леонидовне Катц**, положены материалы из её личного дела, а также воспоминания и впечатления Председателя Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» Аллы Викторовны Живиной.

Ирина Катц родилась 21 марта 1912 года в семье известного московского адвоката Леонида Захаровича Катца. Несмотря на то, что отец был юристом, она не сразу последовала семейной традиции. После окончания школы-девятилетки в 1929 году поступила в Московский институт новых языков, где училась до 1932 года, закончив его по специальности литературного перевода. Работала переводчиком в тресте «Орга-Металл» и в различных издательствах, и только в 1934 году поступила на Высшие курсы советской защиты, которые окончила в 1936 году. В дипломе, выданном 2-го ноября 1936 года, имеется такая запись:

Государственная

квалификационная комиссия

ПОСТАНОВИЛА: 1. Признать гр. Катц И.Л. успешно окончившей Высшие Курсы советской защиты и получившей высшее правовое образование. 2. Присвоить гр. Катц И.Л. квалификацию члена Коллегии адвокатов».

16 мая 1937 года Ирина Леонидовна Катц была принята в Московскую городскую коллегия адвокатов, где работала до 27 октября 1941 года, и выбыла на время эвакуации в период Великой Отечественной войны. Восстановлена 10 декабря 1943 года и состояла её членом до дня смерти 23 февраля 1985 года.

В личном деле Ирины Леонидовны имеется любопытная характеристика (к сожалению, без даты, но судя по тексту относящаяся примерно к 1947-1948 гг.), в которой сказано: «тов. Катц И.Л. является серьезным, вдумчивым адвокатом средней квалификации, тщательно и добросовестно работает над каждым делом. Несмотря на большую общую культуру и десятилетний адвокатский стаж работы, по серьезным делам выступает осторожно, что объясняется сознанием ответственности за порученное дело. При наличии этих

Катц И.Л.

положительных данных, тов. Катц аполитична, в общественной жизни Консультации не принимает участия».

И это написано о человеке, который впоследствии был заслуженно признан одним из лучших адвокатов-цивилистов, особенно в области семейного и наследственного права. Ирина Леонидовна принимала участие в подготовке проекта Кодекса о браке и семье РСФСР (1969 года). В письме Председателя Юридической комиссии при Совете Министров РСФСР от 26 сентября 1968 года, адресованном Председателю президиума Московской городской коллегии адвокатов К.Н. Апраксину, выражается благодарность И.Л. Катц и отмечается её активное деловое участие в обсуждении проекта Кодекса и внесение ряда ценных предложений по улучшению редакции статей проекта Кодекса.

К делам Ирина Леонидовна относилась с повышенным вниманием. Она тщательно изучала материалы, глубоко прорабатывала правовые вопросы, «перелопачивала» груды Бюллетеней Верховного Суда РСФСР, научных статей (в то время не было компьютеров и правовых систем Консультант или Гарант), Её процессуальные документы отличались точностью формулировок, основанных на материалах дела и подкрепленных нормами права. Здесь сказывался опыт и навыки литературного переводчика. Она по несколько раз могла переписывать жалобы, доводя их до совершенства. В прениях в суде выступала четко, образно, эмоционально.

А что касается общественной работы, то И.Л. Катц в 1950 году состояла в кружке по изучению Краткого Курса Истории ВКП (б) и успешно закончила изучение этой работы, являлась лектором Райисполкома, общества «Знание», и даже читала лекции по гражданскому праву для народных заседателей Дзержинского района г. Москвы. Преподавала на курсах усовершенствования адвокатов в МГКА, участвовала в научно-практических конференциях, выступала с докладами и готовила молодых докладчиков, являлась членом бюро цивилистической секции.

Катц И.Л. входила в состав комиссии при Президиуме МГКА по работе с молодыми адвокатами и стажерами. Под её руководством в разные годы проходили стажировку Саксонова Б.А., Живина А.В., Сухарева И.И., Ефремова В.П., Барцевский М.Ю., Ровенская Н.Ю., многие из которых стали известными адвокатами (Живина А.В. и Барцевский М.Ю. удостоены Почетного звания «Заслуженный юрист РФ», Барцевский М.Ю. - доктором юридических наук), с благодарностью вспоминая годы работы с Ириной Леонидовной и её бескорыстные внимание и заботу.

И.Л. Катц неоднократно поощрялась Президиумом МГКА за плодотворную работу и активное участие в общественной жизни коллегии, её имя занесено в Книгу Почета Московской городской коллегии адвокатов, награждена Медалью «В честь 800-летия Москвы».

Катц И.Л.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ПРЕЗИДИУМА МОСКОВСКОЙ
ГОРОДСКОЙ КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ

16 сентября 1968 г.

м.д. 263-с/165,
адрес: К-74, Калужский пр.,
Телефон Б 0-46-70

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА МОСКОВСКОЙ
ГОРОДСКОЙ КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ

тов. АПРАКСИНУ К.Н.

В соответствии с Основами законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, Юридическая комиссия при Совете Министров РСФСР подготовила проект Кодекса о браке и семье РСФСР.

В работе комиссии по подготовке проекта Кодекса принимали участие представители 15 союзных и республиканских министерств и ведомств, практические работники административных органов, ученые.

Юридическая комиссия отмечает добросовестную работу по подготовке проекта Кодекса тов. КАТЦ Ирины Леонидовны.

Тов. КАТЦ И.Л. принимала активное деловое участие в обсуждении статей проекта Кодекса и внесла ряд ценных предложений по улучшению редакции статей проекта Кодекса.

Выражая тов. КАТЦ И.Л. благодарность за оказанную помощь, Юридическая комиссия просит Вас поощрить тов. КАТЦ И.Л. за её добросовестную работу по подготовке проекта Кодекса о браке и семье РСФСР.

Председатель
Юридической комиссии при
Совете Министров РСФСР

(А.Круглов)

ак.

1560-2474 68)

на заседании
исполкома.

с. 108

И.Л. Катц была жизнелюбива, много читала, хорошо разбиралась в

Катц И.Л.

живописи, любила музыку, не пропускала ни одного фортепьянного концерта и концерта симфонических оркестров в Большом зале Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского и в Концертном зале им. П.И. Чайковского московской государственной филармонии, отличалась завидным остроумием.

Вспоминается случай, когда на одном из вечеров, посвященных приему стажеров в адвокаты МГКА, адвокат Блюмкина Л.А., представляя Ирину Леонидовну, сказала: «Знакомьтесь, это Ирина Леонидовна Катц – жемчужина московской адвокатуры». «Да, антикварная» - тут же отреагировала Ирина Леонидовна.

Не менее ценны воспоминания адвоката, доктора юридических наук Михаила Юрьевича Барщевского: *«Ирина Леонидовна Катц. Ленинградская, нет, Петербургская интеллигентка. Спина как у бывшей балетной, прямая, осанистая, гордая. Длинные, музыкальные пальцы. Всегда аккуратный неяркий маникюр. Одета неброско, но с потрясающим вкусом. Украшения, похоже, перешедшие от старших поколений. А в те времена бижутерии не было... Насколько помню, вела только семейные и наследственные дела. Среди клиентов - топовые сценаристы, драматурги, режиссеры и ... наследники маршалов времен Отечественной войны. Разумеется, не 1812 года. Хотя жаль, было бы интересно. На дежурство в юридическую консультацию приходила всегда с маленьким сверточком из фольги. А там - нарезанный ломтиками сыр, яблоко, поделенное на четыре дольки, и шоколадная конфета. Из набора фабрики «Красный октябрь», которые ей дарили, кажется, все клиенты. Внешне всегда спокойная, голос ровный, а внутри кипящий вулкан. Как ей так удавалось? Всегда любила общаться с молодежью, а своих стажеров пестовала словно детей. Как она за нас переживала! За себя - меньше. О наших отношениях? Очень хорошие. Она меня вырастила. Но, главное, именно Ирина Леонидовна на собственном примере показала и научила тому, что называется адвокатская этика. Конкретные истории? Не стану. Это мое - личное. Хочу оставить только себе. У тех, кто ее знал, есть свои. Для тех, кто не знал - бессмысленно, получатся просто адвокатские байки. Одно скажу. Увы, больше таких людей, как Ирина Леонидовна Катц, я в своей жизни не встречал».*

Ирина Леонидовна скончалась 23 февраля 1985 года. Похоронена на Введенском кладбище в г. Москве.

Катц И.Л.

Начать рассказ о герое следующего нашего повествования следует с упоминания о том, что в его роду было несколько весьма известных юристов своего времени.

У окончившего Рязанскую духовную семинарию Алексея Андреевича Миловидова один из сыновей – Николай Алексеевич серьезно увлекся цивилистикой и в качестве профессора преподавал в университетах Казани и Харькова. Некоторые современные правоведы считают Миловидова одним из зачинателей основ российского гражданского права, выпустившего в 1875 и 1876 годах обстоятельные работы по юридической природе векселей и законной силе судебных решений по гражданским делам.

**Присяжный поверенный Н.А.
Миловидов**

У его брата Александра Алексеевича был сын Николай, который, завершив учебу в духовной семинарии города Сапожка, отправился в Дерпт, находившийся в Эстляндской губернии, где закончил юридический факультет местного университета. В университете познакомился и долгие годы поддерживал добрые отношения с будущим известным присяжным поверенным Павлом Малянтовичем, ставшим в 1917 году министром юстиции во Временном правительстве.

Получив высшее образование, Николай Миловидов в 1905 году поступил в московскую адвокатуру. Имел хорошую практику, заработки от которой позволили ему приобрести в 1912 году пятикомнатную квартиру в центре Москвы, где и в советское время продолжали жить его потомки. Если заглянуть в справочник «Список присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников: к 15 ноября 1913 г.» (Москва: Типография В.И. Воронова, 1914), то там указан Миловидов Николай Александрович, проживающий на Арбате, Серебряный переулок, д. 1, кв. 18. По этому же адресу он значится вместе с сыном и в списке членов Московской губернской коллегии защитников за 1926 год. В это послереволюционное время Николай Александрович сосредоточился на юридической работе сначала в Народном комиссариате просвещения, а затем стал начальником договорно-правового отдела крупного внешнеторгового объединения «Экспортхлеб». Он дожил до 1934 года, и был очевидцем того, как набирает опыт и знания его сын адвокат Миловидов Николай Николаевич, кому и посвящен настоящий очерк.

Николай Николаевич

Миловидов родился 18 июня 1898 года в селе Телятники Сараевского района Рязанской области. О его отце уже сказано, а мать Мария Ивановна Миловидова – дочь сельского священника - всю жизнь была домашней хозяйкой.

Миловидов Н.Н. в 1916 году закончил Московскую гимназию имени Нечаева и поступил на юридический факультет Московского университета, откуда почти сразу же, в сентябре того же года, был призван в армию. В августе 1917 года окончил Киевское артиллерийское училище, и в звании прапорщика был направлен в город Гельсингфорс во Второй Свеаборгский артиллерийский полк. После

демобилизации в январе 1918 года вернулся в Москву, где проработал несколько месяцев комендантом Наркомзема, после чего был призван в ряды Красной Армии с направлением в Штаб Каспийско-Кавказского фронта, размещавшийся в Астрахани. Занимал должности помощника инспектора артиллерии, командира для поручений, начальника артиллерийской разведки. В декабре 1919 года откомандирован в Артиллерийскую академию в Москве, но в связи с серьезным заболеванием тифом направлен в распоряжение Московского военного округа.

В начале 1920 года рекомендован в Главный Военный революционный трибунал на должность военного следователя военно-транспортного направления, где проработал три года до расформирования транспортных трибуналов.

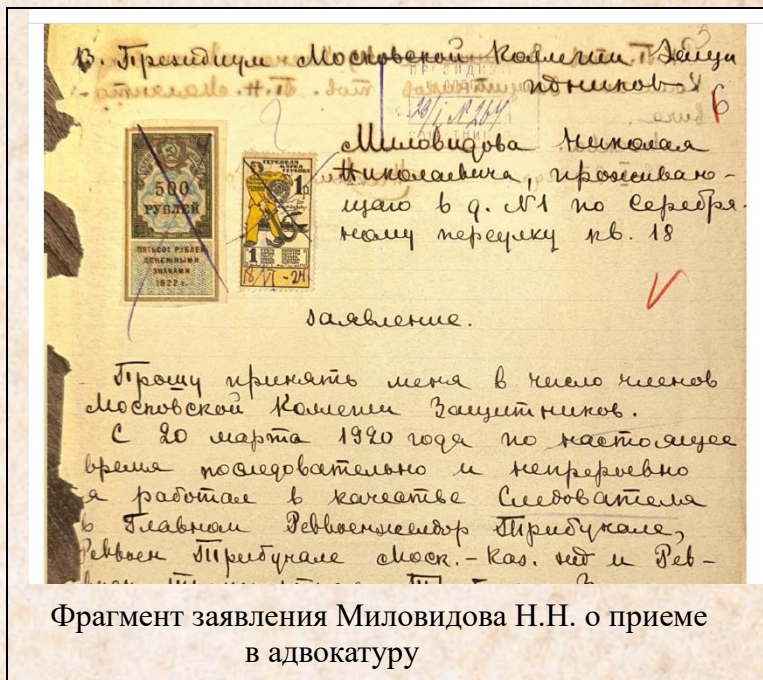
Был демобилизован, имея воинское звание «командир запаса РККА».

18 января 1923 года Миловидов Н.Н. направил в Президиум Московской коллегии защитников заявление с просьбой принять его в члены адвокатуры. Рекомендации ему дали трое бывших сослуживцев по службе в трибунале, а также уже упоминавшийся Малянтович П.Н., который написал: *«Рекомендую Н.Н. Миловидова, как человека безукоризненной порядочности, трудолюбивого и добросовестного работника. Знаю его давно, знаю его семью, и потому имел возможность наблюдать его в разнообразной обстановке. Считаю его достойным для принятия в Коллегию защитников».*

Миловидов Н.Н.

Кроме того, в Президиум Московской губернской коллегии защитников обратился руководство Окружного революционного военного трибунала, рекомендовавшего Миловидова Н.Н. к принятию в Коллегию. В обращении было указано, что Миловидов «Работал по Советской Юстиции в должности Следователя...беспрерывно, в течение почти 4 лет...За период работы тов. Миловидова в Трибунале он прошел серьезный стаж самостоятельного участкового Следователя, а последнее время находился в Москве и работал непосредственно при Трибунале, имея в своем производстве следственные дела из числа наиболее серьезных и требующих личного доверия».

Фрагмент заявления Миловидова Н.Н. о приеме в адвокатуру

Адвокат Николай Миловидов с сыном – тоже Николаем (р. 1927), будущим известным архитектором

6 мая 1924 года Николай Николаевич был принят в Московскую губернскую коллегию защитников. Поскольку членам таких коллегий разрешалось совмещение адвокатской деятельности с работой юридического профиля в различных организациях, Миловидов в 1925 году занял должность заместителя заведующего юридическим бюро одного из акционерных обществ, а также являлся консультантом в редакции газеты «Правда», и этом качестве отвечал на письма трудящихся.

Затем в 1926 году поступил и закончил через 2 года экстерном факультет советского права Первого Московского государственного университета.

В разное время работал в консультациях Центрального, Свердловского и Киевского района столицы, в юридической консультации при городском Почтамте.

С 1937 по 1946 годы ежегодно избирался членом Президиума Коллегии адвокатов, в том числе 25 июня 1941 года - ответственным секретарем

Президиума МГКА. В мае 1942 года приказом Народного комиссара юстиции РСФСР был назначен членом Оргбюро МГКА.

Когда началась Великая Отечественная война, уже 24 июня 1941 года Миловидов Н.Н. направил заявление в Киевский районный военный комиссариат города Москвы, где писал, что он, как командир запаса артиллерии, а также имеющий квалификацию юриста и стаж в прошлом в качестве военного следователя, в условиях начавшейся войны просит ускорить его вызов в военный комиссариат для присвоения воинского звания, после чего «зачислить меня как добровольца в ряды РККА военюристом или артиллеристом на участок, на который найдет нужным поставить меня Командование».

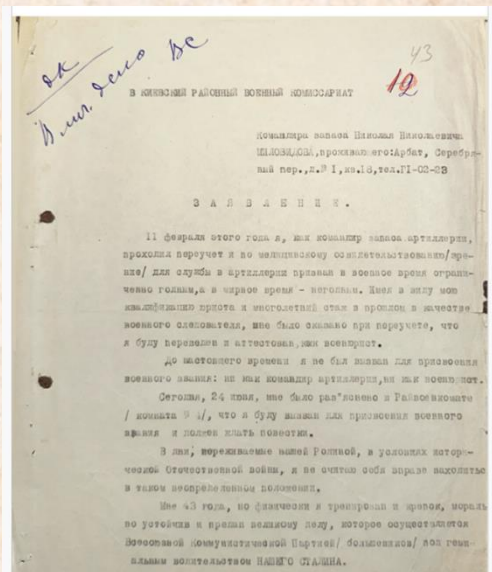
При этом для представления в райвоенкомат была составлена в тот же день, 24 июня 1941 года, подписанная председателем Президиума МГКА характеристика на Миловидова Н.Н. с указанием, что он проявил себя как высококвалифицированный специалист-юрист, исключительно добросовестно относящийся к своим обязанностям адвоката, любящий и знающий свое дело.

Тем не менее, Миловидов призван в ряды действующей армии не был, и 17 июля 1941 года его направили для дальнейшей работы в юридическую консультацию № 3 МГКА. Судя по документам, Николай Николаевич не терял надежды попасть на фронт, свидетельством чему – еще одна адресованная в военкомат его характеристика, датированная уже сентябрем 1941 года.

Работа Миловидова адвокатом в военные годы была отмечена государственной наградой – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (6 июня 1945 года), затем ему вручили медаль «В память 800-летия Москвы» (20 сентября 1947 года).

В материалах личного дела адвоката Миловидова Н.Н. есть его собственные упоминания, что он не раз участвовал в послевоенных процессах над немецкими захватчиками и предателями. Так, в своей автобиографии, написанной 27 декабря 1951 года, Николай Николаевич указал, что «по поручению Министерства юстиции СССР несколько раз командировался для участия в процессах о немецких зверствах».

Здесь следует пояснить, что вопрос об организации таких процессов решался в СССР на самом высоком уровне. 21 ноября 1945 года было принято Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О проведении судебных процессов над

Фрагмент заявления командира запаса Миловидова Н.Н. в военкомат 24 июня 1941 года

бывшими военнослужащими германской армии и немецких карательных отрядов», которым, в числе прочего, поручалось Народному комиссариату юстиции обеспечить необходимое количество защитников для участия в таких процессах.

Надо ли говорить, что выделялись для этой работы самые опытные и грамотные адвокаты. К примеру, в деле, получившем название «Об организаторах, руководителях и участниках польского подполья в тылу Красной Армии на территории Польши, Литвы и западных районов Белоруссии и Украины», вместе с Миловидовым Н.Н. участвовали одни из самых авторитетных адвокатов того времени, в том числе Оцеп М.А., Брауде И.Д., Казначеев С.К., а также сын знаменитого Плевако Ф.Н. – Сергей Плевако.

Суду по весьма тяжким составам уголовного закона было предано 16 человек, одни из которых обвинялись в организации подрывной работы против Красной Армии и Советского Союза, совершении террористических актов против офицеров и бойцов Красной Армии, диверсиях и налетах, а также ведении враждебной пропаганды, а другие в участии в подрывной работе подпольных организаций на территории Польши в тылу Красной Армии. Дело слушалось Верховным Судом СССР в Москве 18-21 июня 1945 года.

Грамотно проведенный в ходе судебного следствия Миловидовым Н.Н. допрос его подзащитных - члена партии национал-демократов «Стронинцтво Народове» Кобылянского К.С. и председателя правления объединения демократических организаций «Союза демократов», члена подпольного парламента «Рады Едности Народовой» Чарновского Е.С., показал их реальную роль в совершении инкриминированных обвинением деяний, что явно повлияло на позицию государственных обвинителей Афанасьева Н.П. и Руденко Р.А.

На столь непростом процессе адвокат Миловидов Н.Н., аргументированно оспаривая результаты расследования, говорил: «На суде выяснилось, что, помимо заключения, здесь, в ходе судебного следствия, на протяжении всего процесса ни от одного свидетеля или обвиняемого мы о Кобылянском не слышали, и его фамилия не упоминалась». Проанализировав собранные по делу материалы, Николай Николаевич заявил, что его подзащитному «вменено в вину осуществление реального действия, хотя на самом деле здесь нет ни подстрекательства, ни пособничества», и в итоге попросил оправдать Кобылянского.

После отказа прокуроров от обвинения, Военная коллегия Верховного Суда СССР полностью оправдала Кобылянского, а Чарновский был приговорен

к 6 месяцам лишения свободы⁵.

⁵ Следует отметить, что всего по итогам данного процесса было оправдано 3 подсудимых. При этом уже в наше время, 19 апреля 1990 года Пленум Верховного Суда СССР по протесту

Среди других подобных дел, в которых участвовал по назначению Миловидов Н.Н., можно назвать судебный процесс в военном трибунале Брянской области по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Орловской, Брянской и Бобруйской областях (26-30 декабря 1945 года), где он был защитником генерал-лейтенанта германской армии Бернгарда Фридрих-Густава, бывшего командующего тылового округа 2-й танковой, а затем 9-й пехотной армии. А также проходивший в Риге с 26 января по 2 февраля 1946 года судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР - защищал Фридриха Августа Еккельна — одного из высших чинов СС и полиции нацистской Германии, обергруппенфюрера СС, руководителя рейхскомиссариатов «Украина» и «Остланд».

Говоря о деловых качествах героя нашего рассказа, можно обратиться к его характеристике от 30 ноября 1951 года, где сказано, что Миловидов Н.Н. является одним из ведущих и известных адвокатов, высококвалифицированным, опытным и знающим криминалистом, ведет исключительно уголовные дела, но тем не менее проявляет интерес к принципиальным вопросам из других областей права. Прекрасный юрист-аналитик. Здесь же отмечается: *«Характерными особенностями его методики являются: быстрое постижение сущности дела; умение упростить и свести возникающие вопросы к основным решающим проблемам; <...> Хорошая, простая, четкая, красочная, доходчивая речь. Речь представляет самый сильный участок в профессиональной методике Миловидова».*

Весьма показательно, что многие, знавшие Николая Николаевича, выделяли его ораторское искусство, описывая его в превосходных красках как уникальное и неповторимое.

Генерального прокурора СССР отменил обвинительный приговор в отношении Окулицкого Л.Б., Янковского Я.И., Бенья А.В., Ясюковича С.И. и других, и дело осужденных прекратил за отсутствием состава преступления.

Миловидов Н.Н.

Миловидов. В этой части вы признаете себя виновным. А в отношении того, что происходили террористические акты, диверсии? Об этом вы узнали, когда они происходили фактически или позднее?

Чарновский. Об этом я узнал во время следствия, а уже некоторые сигналы были известны перед этим.

Миловидов. Когда имело место первое сообщение Окулицкого на совещании? Точно вы можете сказать? Это 25 февраля было первое сообщение Окулицкого относительно того, что «Армия Крайова» не распущена фактически, что спрятаны оружие, радиостанции и боеприпасы?

Чарновский. Нет, это было в марте.

Миловидов. Это было уже в марте 1945 года? Когда было точно это сообщение?

Чарновский. Это было на заседании, которое не дало результатов. Это было 25 марта.

Миловидов. И вот здесь впервые вы были поставлены в известность о подрывной деятельности, которую проводила «Армия Крайова»?

Чарновский. Окулицкий не говорил о террористических актах, но говорил о том, что оружие спрятано.

Миловидов. Это впервые вы узнали в марте 1945 года? А когда вы были арестованы?

Чарновский. 28 марта.

Миловидов. Таким образом, эту информацию вы получили за несколько дней до задержания?

Чарновский. Да.

Миловидов. А когда состоялось предложение вступить вам в подпольную организацию «Неподлежности»?

Чарновский. Это было во второй половине февраля.

Миловидов. Вы дали следствию показания, что вы согласились на вступление в организацию «НЕ».

Чарновский. Да.

Миловидов. Значит, это произошло приблизительно за месяц до вашего ареста?

Чарновский. Да, приблизительно за месяц.

Миловидов. Что за этот месяц сделали вами конкретно в качестве вступления в эту организацию?

Чарновский. Кроме разговора с Окулицким и Жепским — ничего.

Миловидов. Значит, никакой конкретной преступной деятельности вы в этой организации не провели?

Чарновский. Нет.

Миловидов. Большие вопросы не было.

Из стенограммы судебного процесса над руководителями польской «Армии Крайовой». Допрос ведет адвокат Миловидов Н.Н.

Очень интересно оценочное сравнение этих достоинств с еще одним персонажем из наших очерков, прозвучавшее из уст легендарной Дины Каминской, приведенное в её книге «Записки адвоката» (Москва, 2009):

«Я помню, как интересны были процессы, в которых одновременно выступали Катя и Николай Николаевич Миловидов — любимец московской адвокатуры того времени и, что не менее важно, любимец московских судей. Было бы несправедливо не сказать, что он тоже был хорош собой. Не так изыскан, но, я бы сказала, не менее аристократичен в своей абсолютной естественности. Николай Николаевич был барином, ленивым русским барином, кутилой, любителем ресторанов, которые в Москве в то время были отличными.

В судебном следствии он задавал мало вопросов. Я всегда подозревала, что он не очень хорошо знает дело. Как-то он сказал мне: «Я уверен, что все, что мне нужно для защиты, я услышу в судебном заседании». Думаю, что в этой шутке была большая доля правды; садясь в дело, он еще не владел его материалом. Но все, что происходило в суде, он впитывал в себя как губка. Каждая мелочь, каждый нюанс в показаниях свидетелей или подсудимых откладывался в его памяти и обретал самое убедительное объяснение.

В его речи не было никаких украшений. Но для меня он был оратором самого высокого класса. Я помню, как Миловидов медленно вставал из-за адвокатского стола, также не спеша поворачивался лицом к суду и начинал свою речь очень спокойным, тихим голосом. Это было похоже даже не на речь, а на какую-то очень доверительную беседу, в которой два собеседника — суд и он. Очень часто Николай Николаевич выходил на середину зала и останавливался прямо перед судебским столом. Ему, казалось, было не важно, есть ли кто-нибудь в зале, слушают ли его. Ему нужно было видеть только суд. Ему нужен был контакт только с судом. Многие судьи называли его шаманом.

«Бог его знает, как у него получается. Слушаешь его и всему веришь», — говорил мне один из самых страшных судей сталинских времен Иван Михайлович Климов. Действительно, что-то завораживающее было в спокойной, но такой внутренне напряженной речи Миловидова. Мне всегда казалось, что произнесенное им слово и есть то единственное, которое способно полно выразить мысль, что заменить его каким-либо другим — невозможно. Все то, что он говорил, мысли, которые он высказывал, всегда казались как-то само собой разумеющимися, и я только поражалась тому, как это мне самой раньше не приходило в голову. Я уверена, что, если бы в Советском Союзе был суд присяжных, Николай Николаевич Миловидов не знал бы в нем поражений».

Внимательный женский взгляд очень правильно подметил черты Миловидова. Его талант оратора сочетался с некоторой нелюбовью к тщательной работе с материалами дела, что замечали и другие его коллеги. Как человек и практикующий адвокат, он не был безгрешен, попадал под

дисциплинарные взыскания, на него приходило частное постановление суда за неявку на процесс, имел недоимки по обязательным взносам в коллегию, его упрекали в уклонении от ведения консультаций граждан, он терял удостоверение члена коллегии защитников, а однажды даже вставал вопрос об отчислении Николая Николаевича из коллегии, чего по счастью не случилось.

И поэтому Миловидов продолжал работать, демонстрируя такие способности, которыми восторгались даже его процессуальные противники, как это произошло в одном из дел, описанных очевидцем - адвокатом юридической консультации № 11 МГКА, участником Великой Отечественной войны Белозором Н.Г. (Российский адвокат, 2015, № 4):

«Николай Николаевич Миловидов – адвокат редкого дарования, умница, эрудит, шахматист. Он рано ушел из жизни, не реализовав до конца свои богатые возможности. Если у таких маститых адвокатов, как Липскеров, Оцен, Витвинский, досье было образцом совершенства, примером для молодых адвокатов, то у Миловидова оно фактически отсутствовало.

Как-то я участвовал с Миловидовым в суде по большому многоэпизодному хозяйственному делу (11 обвиняемых, 16 томов). Он защищал сразу троих обвиняемых. Под рукой у него было обвинительное заключение и большой лист бумаги, на котором начерчен круг, разбитый на сектора с многочисленными значками и цифрами, одним словом – ребус. В процессе судебного следствия он прекрасно ориентировался в материалах дела и лишь иногда уточнял у меня отдельные эпизоды, пользуясь моими подробными записями и выписками из материалов. Наступил момент прений сторон. Миловидов выступал первым. Никакого плана выступления, а лист бумаги с многочисленными пометками он сложил вчетверо и положил в карман. Такие действия вызвали у меня беспокойство. Но оно оказалось напрасным: буквально с первых слов Миловидов захватил внимание суда и присутствующих в зале своей образной, аргументированной и убедительной речью, совершенно свободно оперируя материалами дела и сокрушая доводы обвинения. Выступление было настолько блестящим, что в зале раздались аплодисменты. Среди горячо аплодирующих оказался следователь по данному делу. Приговор был «божеским».

Конечно, такую роскошь в пренебрежении к досье мог себе позволить лишь человек, обладавший феноменальной, как говорят, лошадиной памятью.

Несмотря на то, что Миловидов неоднократно избирался в Президиум МГКА, вел значительную общественную работу, пользовался большой популярностью и ходил «в генералах», он никогда не кичился этим и запросто обращался с «солдатами» от адвокатуры. У него всегда можно было получить ценный совет по уголовным делам...».

Когда в январе 1952 года проводилась аттестация адвокатов МГКА, то комиссия в составе начальника управления Минюста РСФСР при Моссовете,

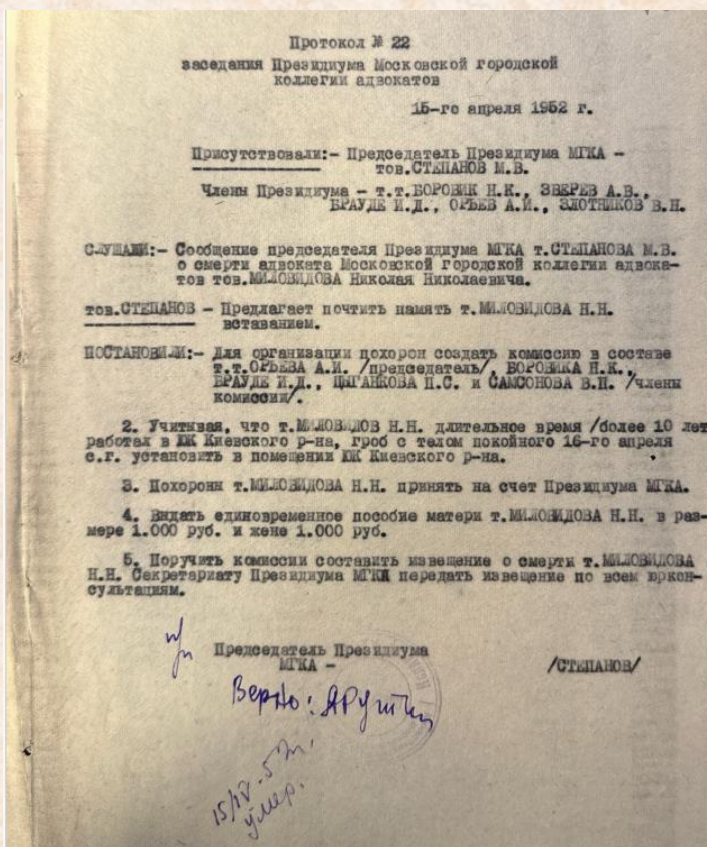

заместителя Председателя Московского городского суда и председателя Московской городской коллегии адвокатов отмечали, что Миловидов Н.Н. характеризуется как один из ведущих адвокатов Московской коллегии. Отмечается высокое качество судебных выступлений, активное участие в работе производственных совещаний, а также в общественной работе. Он читает лекции по технике речи на курсах усовершенствования адвокатов при Президиуме МГКА.

Очевидно, что у адвоката с такими талантами и блестящей профессиональной репутацией не было проблем с клиентурой. Его доверителями становились артисты московского цирка, знаменитые футболисты, работники торговли. Проблема Николая Николаевича заключалась в другом – стали сказываться прежние заболевания, и особенно перенесенный в молодые годы тиф. В его служебной характеристике от 3 июля 1949 года отмечается недостаточная активность в общественной работе, с оговоркой - «что, возможно, в известной степени, объясняется ухудшившимся за последнее время состояние его здоровья».

Здоровье действительно стало быстро ухудшаться, и Миловидов Н.Н. умер 15 апреля 1952 года, не дожив до 54 лет.

После похорон его жена Миловидова Татьяна Николаевна направила в Президиум МГКА короткую записку, где были такие слова: «Николай Николаевич любил свою профессию, и так много вкладывал в неё души и сердца, что жизни вне её он себе не представлял».

Попов Леонид Максимович родился 12 сентября 1923 года в Москве.

В 1941 году окончил 131-ю столичную школу, получив общее среднее образование. Служил в Красной Армии с сентября 1941 по январь 1943 года связистом в 90-м зенитном артиллерийском полку. С 1943 по 1945 годы – бригадир-наладчик на заводе имени Лихачева; в 1946 году несколько месяцев работал секретарем уголовно-судебного отдела Прокуратуры РСФСР. С 1946 по 1949 годы – старший библиотекарь в правовом отделе систематического каталога Государственной библиотеки имени Ленина.

С 1944 по 1949 годы учился в Московском юридическом институте на вечернем отделении.

После получения высшего образования с 1949 по 1952 годы занимал должность старшего ревизора Управления по делам адвокатуры Министерства юстиции СССР. По завершении работы получил направление в Московскую областную коллегия адвокатов с указанием, что министерство считает возможным удовлетворить просьбу тов. Попова Л.М. о приеме в коллегия адвокатов. Кроме того, в направлении было отмечено, что он исполнитель, дисциплинирован, участвовал в общественной жизни коллектива, теоретически подготовлен, много читает, занимается повышением своего идейно-политического уровня.

В характеристике от 25 августа 1952 года на бывшего старшего ревизора Управления по делам адвокатуры Попова Л.М. сказано, что он работал в этой должности в течение трех лет и проводил ревизии президиумов коллегий адвокатов. Заключение по дисциплинарным делам составлял, как правило, обстоятельно и продуманно. К даче заключений по жалобам адвокатов относился внимательно, правильно разбирался и оценивал факты.

На заседании Президиума МОКА 26 августа 1952 года Попов Л.М. был принят в члены коллегии и направлен на работу в качестве адвоката в Солнечногорскую юридическую консультацию. Уже 15 сентября 1952 года на Попова Л.М. было возложено исполнение обязанностей заведующего этой консультацией.

Попов Л.М.

В мае 1955 года он был переведен в Шереметьевскую юридическую консультацию и назначен ее заведующим, а затем, в том же году, переведен в Люблинскую юридическую консультацию.

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А

на б.ст.ревизора Управления по делам адвокатуры
ПОПОВА Л.М.

Тов. Попов Леонид Максимович, являясь в течение 3-х лет ревизором Управления по делам адвокатуры МВ СССР, проводил ревизии президиумов Коллегий адвокатов.

Материалы, представленные по результатам ревизий, отражали достаточно полно состояние дел в коллегиях адвокатов, однако, мало бывал в судах, недостаточно выслушивал выступления адвокатов в судах, а выводы делал больше на основании письменных материалов президиумов коллегий адвокатов.

Тов. Попов к даче заключений по жалобам и дисциплинарным делам адвокатов относился внимательно, правильно разбирался и оценивал факты.

Заключения по дисциплинарным делам составлял, как правило, обстоятельно и продуманно.

Тов. Попов исполнительен, дисциплинирован, участвовал в общественной жизни коллектива, являясь профгруппоргом.

Теоретически подготовлен, много читает, занимается повышением своего идейно-политического уровня.

Тов. Попов освобожден от работы в Министерстве юстиции СССР по собственному желанию.

Зам. Нач. Управления кадров
МВ СССР
Ратников/
25 августа 1958 г.

Нач. Управления по делам
адвокатуры МВ СССР
В. Предтеченский/

С 1952 по 1955 годы – член Московской областной коллегии адвокатов. С 1955 по 1957 годы – заведующий юридической консультацией Северной группы войск, находившейся в Польше.

В личном деле Попова Л.М. имеется подписанная председателем Военного трибунала войсковой части № 14069 служебная характеристика от 19 июля 1958 года на Леонида Максимовича как начальника юридической консультации при трибунале, в должности которого он работал с 6 июня 1956 года по 22 августа 1958 года. Из характеристики следует, что тов. Попов показал себя хорошим специалистом, руководство

юридической консультацией осуществлял правильно. Умело проводил защиту по судебным делам, безотказно принимал посетителей и давал им грамотные консультации по правовым вопросам. Выступал с докладами перед рабочими и служащими Советской Армии на правовые темы, разъяснял законодательство о труде.

С 1958 по 1960 годы – член Московской областной коллегии адвокатов (МОКА), после чего перешел в МГКА. Это было связано с тем, что в августе 1960 года в связи с расширением территории Москвы вместе с большой группой адвокатов численностью 153 человека он был переведен из МОКА в Московскую городскую коллегию адвокатов.

В структуре МГКА Попов Л.М. недолго проработал в юридической консультации Киевского района, после чего был переведен в юридическую консультацию № 1 Куйбышевского района, а вскоре – 28 июня 1961 года – был назначен заведующим юридической консультацией № 11 Пролетарского района.

Попов Л.М.

В характеристике от 23 ноября 1977 года за подписью председателя Президиума МГКА Апраксина К.Н. указано, что Попов Л.М. – грамотный, опытный и требовательный руководитель, с работой справляется успешно. Часто привлекается для ревизионных проверок как внутри Московской коллегии, так и в других коллегиях. Отзывы о его работе только положительные. Как адвокат часто привлекается для проведения дел, расследование по которым проводят органы Комитета Госбезопасности, защиту осуществляет грамотно, добросовестно, на высоком профессиональном уровне, дисциплинирован, трудолюбив и исполнитель.

В составе делегаций Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами Попова Л.М. выезжал в октябре-ноябре 1976 года в Перу, Колумбию и США, в мае 1979 года в Мексику, Аргентину, Бразилию, Перу и Кубу. В своем листке по учету кадров Попов обозначал эти поездки как «спецтуризм», поскольку такого рода ознакомительные выезды подразумевали обязательные выступления членов советских делегаций перед иностранными гражданами с рассказами о Советском Союзе, а для юристов – о правовой системе страны и своей профессии.

Президиумом МГКА 8 июня 1982 года имя Попова Л.М. было внесено в Книгу Почета МГКА за многолетнюю и безупречную работу в коллегии, высокое профессиональное мастерство, активное участие в общественной жизни и в связи с 60-летием Советской адвокатуры.

4 июля 1985 года Попова Л.М. не стало. Ему было 62 года.

К вышеприведенным данным, которые носят анкетный характер, следует добавить интересные воспоминания о Попове Л.М. его коллеги адвоката *Шарова Г.К.*, специально подготовленные для настоящего Проекта, которые дают намного большее представление о многогранной личности Леонида Максимовича.

Попов Л.М.

Первые девять лет в адвокатуре под началом Л.М. Попова (воспоминания
адвоката МГКА)

Статус адвоката Л.М. Попов получил в 1952 году и начал работу в Московской областной коллегии адвокатов, а затем перешел в городскую коллегия, поскольку в 1960 году ряд районов области вошел в состав Москвы.

С 1961 по 1985 годы Л.М. Попов был заведующим юридической консультации № 11 МГКА. Он, Ветеран труда, неоднократно избирался депутатом Совета народных депутатов Пролетарского района Москвы.

Консультация в те годы располагалась в маленьком цокольном полуразрушенном помещении дома 7 по улице Народная на Таганке.

В 1978 году Л.М. Попов добился предоставления консультации офисного помещения на 2-ом этаже дома 2/1 по улице Нижняя Радищевская, в котором она располагается по сей день. Также он обеспечил капитальный ремонт этого помещения за счет Исполкома районного Совета, что по тем временам оценивалось как существенное достижение руководителя консультации.

Мне довелось познакомиться с Л.М. Поповым осенью 1976 года, когда меня, как стажера, направили в возглавляемую им консультацию.

Леонид Максимович был личностью незаурядной и сложной. При жесткости характера он пользовался уважением коллег за профессионализм и принципиальность.

Мы с ним общались не только по работе, но и семьями, благо проживали неподалёку. Попов с женой, в прошлом тоже адвокатом, дочерью и зятем заглядывали к нам на молодое домашнее яблочное вино.

Леонид Максимович был человеком азартным, знал и любил футбол и хоккей, регулярно читал газету «Советский спорт», серьезно играл в преферанс. Он был заядлым шахматистом, а в консультации было несколько шахматных досок, и для него всегда находились достойные соперники, с которыми он подолгу засиживался за напряженной партией.

В те годы в помещении консультации было принято часто устраивать товарищеские застолья. Отмечали как общенародные праздники, так и дни рождений, успешно проведенные в судах дела, а иногда и просто, желая после работы пообщаться за рюмкой вина или водки, хотя вино в те времена пили реже. Леонид Максимович не только не препятствовал таким посиделкам, но и сам часто принимал в них участие, и на радость собравшихся рассказывал какие-нибудь забавные случаи из богатой адвокатской практики, а рассказчиком он был великолепным. Иногда засиживались за полночь, потом кто-нибудь мог предложить оставшейся компании продолжить застолье у него дома, звонил жене и упреждал её, что «нас тут осталось немного, и мы едем к нам продолжать».

банкет, приготовить что-нибудь закусить». Так, посреди ночи к ужасу жён мы приезжали домой и к Попову, и к Заславскому, и ко мне, и к некоторым другим коллегам.

Было любопытно присутствовать на собраниях коллектива консультации, которые вел Леонид Максимович, особенно первые месяцы моей работы, сравнивая их с собраниями коллективов на моих предыдущих местах работы в государственных организациях. Там всё было тихо, чинно, и все внимательно слушали председательствующего. Здесь же аудитория тоже внимательно слушала властный голос Попова, иногда переходивший на повышенные тона. При этом лицо Леонида Максимовича было не эмоциональное, но предельно выразительное. А строго поднятая бровь без всяких слов приводила молодых адвокатов в трепет.

Вспоминается такой эпизод, когда увлекшийся нравоучительными наставлениями и разгромной критикой очередного проштрафившегося адвоката Леонид Максимович переходил в понимании коллег «красную линию». Анна Григорьевна Варшавская, опытейшая адвокат, обладавшая заслуженным уважением коллег, спокойно, сидя где-то сзади, четко и громко сказала: «Ну всё, Лёня, хватит, ишь разошелся». Впервые услышав подобное, я замер в ожидании взрыва, но его не последовало, Леонид Максимович строго посмотрел на Анну Григорьевну, улыбнулся, снизил тон выступления и уже спокойнее продолжил ругать запланированного коллегу. Для меня это был урок реальной адвокатской демократии.

Слушать Леонида Максимовича было для меня подарком судьбы и школой профессионализма. В частности, он рассказывал об интересных делах, которые вёл вместе с Софьей Васильевной Каллистратовой и о которой отзывался предельно высоко.

В книге «Заступница - Адвокат С.В. Каллистратова» (1997 г., составитель Е.Э. Печуро) приводятся такие воспоминания дочери С.В. Каллистратовой о том, как в 1960 году Леонид Максимович Попов помог восстановить доброе имя Софьи Васильевны. Клиентка Каллистратовой написала на нее донос. Она утверждала, что Каллистратова требовала от нее взятку для судьи и что передачу денег видела и слышала её сестра, стоявшая около приоткрытой двери в консультации. Леонид Максимович сразу заявил: «Чепуха, ничего она не могла слышать: дверь в консультации или наглухо закрыта, или настежь распахнута!». Следственный эксперимент подтвердил, что дверь действительно была перекошена и не держалась полуоткрытой. Дело было прекращено.

В 1968 году Л.М. Попов с С.Ф. Каллистратовой и другими коллегами участвовал в Ташкенте в защите сначала семи, а на следующий год – пяти активистов крымско-татарского национального движения, которых обвиняли в проведении митингов и распространении заведомо ложных измышлений. Суть позиции защиты под началом Софьи Васильевны сводилась к тому, что критика

отдельных мероприятий или действий отдельных представителей власти не порочит социалистический строй, а укрепляет его. Дружная позиция защиты с требованием прекратить дело за отсутствием состава преступления привели к необычайно мягким приговорам.

Часто Леонид Максимович вспоминал контакты с генералом Петром Григоренко, который в 1978 году переехал в США. Позднее Попов оказывал юридическую помощь членам семьи сына генерала, а после 1985 года я продолжил эту работу и стал оказывать помощь его внучке.

В практике Л.М. Попова было много диссидентских дел. Так, в 1975 году он защищал Бориса Цитленко, участвовавшего в демонстрации в поддержку права на эмиграцию и обвиняемого в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190.1 УК РСФСР).

В 1980 году Попов защищал обвиняемых в антисоветской агитации (ст. 70 УК РСФСР) Глеба Якунина, священника, лишённого священного сана (в 1997 году он был отлучен от церкви и предан анафеме), и в том же году - Льва Регельсона, который на суде полностью признал себя виновным и выразил глубокое раскаяние.

Еще штрих к портрету Л.М. Попова – его докладная записка в президиум МГКА в 1981 году, о которой я узнал только недавно. В этой записке Попов сообщал, что уличил одного из наиболее квалифицированных и уважаемых адвокатов в искажении отчета о проделанной работе по проведенному им уголовному делу. Подзащитный адвоката обвинялся по ч. IV ст. 117 УК РСФСР, ранее привлекался за аналогичное преступление и в деле имелись заключения четырех судебных экспертиз. По делу был внесен, но не списан, аванс в размере 130 рублей. Вина адвоката состояла в том, что в отчете он указал вместо одного тома дела - три, и вместо двух дней слушания - шесть. Адвокат пояснял, что проявил невнимательность и ошибся, а проверяющий указал, что в соответствии с действовавшей в то время Инструкцией об оплате юридической помощи, при правильном заполнении отчета адвокату мог быть назначен гонорар до 130 руб. Однако, в назидание другим Президиум по записке Попова возбудил дисциплинарное преследование и объявил адвокату замечание.

Однажды и я впал в немилость Леонида Максимовича. В то время я защитил диссертацию и получил диплом кандидата юридических наук. Председатель коллегии К.Н. Апраксин пригласил и спросил, как я отношусь к должности заведующего консультацией. Не знаю, что он имел в виду, задавая этот вопрос, но я полагал, что в МГКА, как и на прошлых моих местах работы, кадровые службы ведут учет «кадрового резерва» и я, как член КПСС и отслуживший в армии, был у них в таком резерве. Я сказал Апраксину, что категорически отказываться не буду. Апраксин внимательно посмотрел на меня

Попов Л.М.

и отпустил. В консультации Л.М. Попов пригласил меня в кабинет и строго спросил, как же я мог покуситься на его должность, когда он не собирается никуда уходить. Я удивился, пытался объяснить непонимание, но Леонид Максимович посчитал себя обиженным, и довольно долго мы с ним даже не разговаривали.

Адвокат Александр Львович Клячкин вспоминает, что любил ходить на судебные процессы с участием Л.М. Попова. Леонид Максимович редко пользовался выписками из дела и готовил тезисы своих выступлений. Профессионализм, широкий кругозор и ораторское мастерство позволяли ему не просто знать материалы дела, а уловить его тональность. Выступал он убедительно, красиво и хлётко.

В те годы адвокаты часто привлекались к чтению лекций и участию в работе товарищеских судов. Однажды А. Клячкин участвовал в заседании товарищеского суда Автозавода ЗИЛ под председательством бывшего важного чина военной юстиции и, не согласившись с предлагаемой позицией, отказался подписывать судебное решение. Председатель суда, привыкший к единогласным решениям, был возмущен таким поведением Клячкина и на следующее заседание пригласил Л.М. Попова. Узнав, кто является председателем суда, Попов согласился прийти. В большом зале началось заседание. Попов пришел, но в зал не заходил. Все ждут. В проеме двери показывается голова Попова. Председательствующий говорит: «А вот и Попов. Леонид Максимович, заходите, не бойтесь». Попов, не заходя в зал, ответил: «Да я не боюсь, но если я зайду, у вас испортится настроение». Тогда председатель суда сам вышел навстречу, они о чем-то эмоционально переговорили в коридоре, и конфликт как-то рассосался без скандала и неприятных для Клячкина последствий.

Александру Клячкину довелось участвовать в решении вопроса, кому из адвокатов достанется выделенная консультации автомашина Жигули. Тогда приобрести автомашину было практически невозможно и для консультации их выделяли крайне редко. Создали комиссию из 4-х адвокатов, включая Попова и Клячкина, определили очередных претендентов на Жигули: рядового адвоката Тернового и секретаря парторганизации Заславского. Терновой больше нуждался в новой машине, поскольку старая пришла в негодность, а жил он далековато. Предложение Клячкина решить путём жеребьевки отвергли, а первое тайное голосование разделило голоса поровну. Клячкин твердо знал, что Попов, как и он, голосовал в пользу Тернового. При повторном голосовании Клячкин остался в одиночестве и спросил Попова, почему тот изменил позицию. Леонид Максимович ответил: «Ты забыл, что партия наш рулевой». Клячкин возразил: «Я беспартийный» и Попов парировал: «Вот поэтому и не понимаешь политику партии»...

После нескольких лет совместной работы Л.М. Попов стал предлагать мне дела, некоторые из которых были интересными во всех отношениях. Благодаря

Попов Л.М.

ему я впервые попал в Заполярье. Клиенту нужен был адвокат с техническим образованием, и Попов предложил меня, поскольку первое образование у меня техническое. Дело было сложное, приходилось туда летать неоднократно, но провел я его весьма успешно, клиент и рекомендовавшие меня коллеги остались довольны.

Леонид Максимович был членом Обществ дружбы СССР с рядом стран Латинской Америки, и несколько раз имел возможность посетить, если не ошибаюсь, Бразилию, Мексику и ряд других стран. В те годы это было весьма престижно. Благодаря активности Попова, консультация входила в перечень объектов показа интуристам. Как член этих обществ дружбы, Попов часто принимал делегации юристов из самых разных стран и рассказывал гостям о судоустройстве и организации адвокатуры в СССР. Он очень умело отвечал на самые неожиданные и каверзные вопросы гостей. Коллеги избегали участвовать в таких беседах, для которых Попов просил закупить необходимое и угощать гостей чаем/кофе. Мне было интересно, я не считал утомительными эти мелкие хлопоты, за которые получал возможность учиться непринужденному общению с самыми разными представителями многих стран и слушать диалоги Л.М. Попова.

После смерти Леонида Максимовича Интурист по инерции продолжал направлять к нам в консультацию группы иностранных юристов, которые я уже научился принимать, не роняя престижа советской адвокатуры.

Болезнь настигла Попова неожиданно, его госпитализировали, но ничто не предвещало плохого исхода. Адвокат Александр Клячкин вспоминает, что с коллегой Долгополовым, оказавшись неподалеку от больницы, где лежал Попов, они навестили его. Он был рад, вышел во двор, много шутили, интересовались, что ему принести, чем помочь. Но Леонид Максимович уверенно сказал, что ничего не надо, ничего не болит и его через несколько дней выпишут.

Мне коллега Наталья Варакина передала просьбу Леонида Максимовича навестить его. Я приехал со стандартным набором больничных продуктов, и мы довольно долго проговорили о делах семейных и консультационных, Он был абсолютно спокоен и надеялся на скорую выписку. Но коварная болезнь - саркома протекала катастрофически быстро, и Леонида Максимовича не стало.

Мне поручили быть организатором всех траурных процедур. Газета «Вечерняя Москва» при содействии моей жены, которая в то время работала в издательстве, разместила краткий некролог. Проводить Леонида Максимовича на Хованском кладбище собралось довольно много родных, близких, друзей, коллег и бывших клиентов. Представитель Президиума МГКА Борис Фатыхович Абушахмин во время церемонии прощания, в частности, сказал: «Умер неформальный лидер адвокатуры!».

Попов Л.М.

Неожиданный казус произошел в ходе похоронной процессии. Пока произносились поминальные речи, женщины хлопотали над гробом: поправляли саван, цветы, вкладывали иконки, а одна достала пакетик с песком и аккуратно высыпала на саван. Тут агент ритуальных услуг всплеснула руками и стала громко причитать, что всё сделали неправильно, всё испортили, нарушили обряд, и со словами «не знаю, что теперь делать» быстро удалилась. Все замерли, не зная, как реагировать. Кто-то вспомнил, как Леонид Максимович в подобных ситуациях говаривал: «феерическая глупость», «опереточная позиция». Собравшиеся улыбнулись, успокоились и процедура продолжилась. Меня этот эпизод задел, позже я рассказал его своему знакомому священнослужителю, и он подтвердил, что агент вела себя феерически глупо.

Насколько помню, старшая дочь Леонида Максимовича с двумя детьми в начале 80-х не возвратилась из Португалии, он очень переживал за её судьбу, но потом стало известно, что у неё все в порядке, и она живет в Париже. Младшая дочь стала адвокатом МГКА и позже переехала в Австралию.

Фото 1962 года. Коллектив Юридической консультации № 11 МГКА.

Сидят (слева направо): Иделиович С.Б., Попов Л.М., Ивакин М.Ф., Шафир М.Ф., Лескова Е.А., Кацвин А.Б., Трахтенберг С.Д., Естюнчев Л.В. Во втором ряду: Варакина Н.Г., Щепкин Н.В., Зарецкая Т.И., Пивоваров В.Л., Колчина

Попов Л.М.

М.Н., Васильева Н.А., Рогинский Б.А., Склярская С.И., Докторович Н.М., Лимановская Н.А., Шабанов Н. В третьем ряду: Сапожников Б.М., Давыдкин Н.К., Сидоренко С.А., Трипунов Н.В., Киселева Р.Г., Калинина Л.Т., Ладожский А.Д., Качкаева Т.М., Гончаров В.Д.

В офисе консультации № 11 на видном месте вывешены портреты выдающихся адвокатов: основателя консультации Эсаулова В.Д. (1893-1960), героя Советского Союза Сидоренко С.А. (1914-1987) и других. Среди них имеются две фотографии: Л.М. Попов с коллективом консультации (1962 г., Попов в первом ряду второй слева) и портрет Леонида Максимовича со строго приподнятой бровью. Коллектив консультации № 11 хранит и чтит память о Леониде Максимовиче Попове.

Р.С. Попов Л.М. похоронен в Москве на Хованском (северном) кладбище (номер участка ЗИ/122/262/0294). Жена Попова Людмила Васильевна (1926 – 2005) похоронена там же.

Попов Л.М.

В 2009 году в журнале «Российский адвокат» № 3 появился материал, посвященный 80-летию со дня рождения нашего коллеги Рубежова Г.С., безвременно ушедшего из жизни в самом расцвете сил. Он был представлен читателям как блестящий адвокат и «светлый человек». Редакция предоставила слово его вдове Нине Федоровне, на рассказ которой, как и на документы из личного дела Генриха Семеновича, при дальнейшем повествовании о его интереснейшей профессиональной судьбе мы в основном будем опираться.

Еще одним источником информации о жизни этого человека послужит опубликованная в 1987 году в журнале «Советское государство право» № 4 статья председателя Президиума МГКА (на тот момент) Хейфеца Ф.С. и руководителя Общественного института судебной защиты при Президиуме МГКА Баренбойма П.Д. под названием «Адвокат Генрих Рубежов», где его коллеги характеризуют героя своей публикации как настоящего рыцаря права, чей стиль работы отличали сочетание мужественной гражданственности с глубокой научностью.

Рубежов Генрих Семенович родился 3 мая 1929 года в Ленинграде в семье служащих.

В 1937 году пошел в первый класс средней школы. В период блокады вместе с семьей оставался в Ленинграде и был мобилизован в войска Ленинградского военного округа оказывать помощь в организации противовоздушной обороны. В августе 1943 года, в возрасте 14 лет, награжден медалью «За оборону Ленинграда». В 1947 году получил среднее образование и затем поступил в Ленинградский государственный университет на юридический факультет, который окончил в 1952 году.

При распределении был направлен Государственной комиссией на работу в органы прокуратуры. Сначала работал следователем прокуратуры Невского района города Ленинграда, затем помощником прокурора Выборгского района Ленинграда. В ноябре 1953 года переведен в Москву в центральный аппарат Прокуратуры СССР на должность прокурора отдела по надзору за рассмотрением в судах

Рубежов Г.С.

уголовных дел. Одним из направлений его работы была реабилитация незаконно репрессированных во времена сталинского террора.

Самостоятельно изучил английский язык, что позволило ему в период Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году работать в подготовительном комитете, обслуживая иностранные делегации, в том числе американскую и английскую, а также использовать это знание в дальнейшем, при работе адвокатом. Вне всяких сомнений, в изучении языка ему способствовала жена Рубежова Н.Ф., которая в 1952 году закончила английское отделение философского факультета Ленинградского университета имени Жданова А.А., а затем работала в организациях, где было востребовано языкознание.

Интересно заметить, что у такого явно талантливому во многих отношениях человека, каким был Генрих Семенович, жизненный путь складывался не без шороховатостей. Если взглянуть на выпуск газеты «Ленинградский университет» за 5 января 1951 года, то мы найдем заметку, где студент юридического факультета Генрих Рубежов указан в числе нескольких своих однокашников, нарушавших учебную дисциплину. Уже в период работы в Прокуратуре СССР Рубежов в апреле 1961 года получил по партийной линии строгий выговор с занесением в учётную карточку за утерю партбилета.

И из органов прокуратуры он ушел в результате конфликта. Ему был предложен перевод в Смоленскую область, от чего Генрих Семенович категорически отказался, поскольку вся его семья, включая несовершеннолетнего сына, проживала в Москве.

7 июля 1961 года Рубежов уволился из Прокуратуры СССР по собственному желанию. В характеристике, подписанной 9 сентября того же года государственным советником юстиции 2 класса Теребиловым В.И., отмечено, что в период работы в Прокуратуре СССР тов. Рубежов зарекомендовал себя как грамотный, знающий юрист; с возложенными на него заданиями справлялся удовлетворительно, за успешную работу в деле осуществления прокурорского надзора дважды поощрялся Генеральным Прокурором СССР.

19 сентября 1961 года Генрих Семенович написал заявление в Президиум МГКА с просьбой принять его в члены Коллегии. Соответствующее решение состоялось 6 октября 1961 года, и он был направлен для работы адвокатом в юридическую консультацию № 1 Кировского района города Москвы.

В связи с тем, что Рубежов Г.С. владел английским языком, он был в июне 1965 года переведен из МГКА в Иностранную юридическую коллегия

Рубежов Г.С.

(Инюрколлегию)⁶ и зачислен там старшим консультантом. Как затем писал Генрих Семенович в своей автобиографии, за время работы в Инюрколлегии он осуществлял защиту интересов советских граждан в иностранных учреждениях юстиции. За период пребывания в Инюрколлегии с 1965 по 1975 годы Рубежов Г.С. побывал в служебных командировках в США, Канаде, Франции, Австралии, Сирии, Аргентине, Египте, Уругвае, Бразилии, Италии, Швеции и Голландии, Румынии, Иране, Болгарии, Индии. Посол СССР в Канаде рассказывал, что судебные успехи Генриха Семеновича в этой стране принесли положительные результаты, исчисляемые в миллионах канадских долларов.

Первый процесс, проведенный Рубежовым в США, в городе Канзас -Сити, был посвящен отстаиванию интересов российской гражданки по получению наследства. Три противостоявших ему американских адвоката пытались убедить присяжных заседателей, что передавать наследство нельзя, поскольку в СССР вообще нет ни наследственного законодательства, ни гражданского права как такового. И вообще, все деньги, в случае получения их истцей в качестве наследства, будут изъяты и пойдут на военные расходы.

Однако доводы местных юристов были разбиты аргументацией Рубежова, отличный английский язык которого усилил впечатление, оказанное на присяжных. Газеты, освещавшие процесс и сначала с большим недоверием относившиеся к появлению в американском суде советского адвоката, были вынуждены признать его высокий профессионализм, и потом уже намного охотнее писали о делах, где участвовал Генрих Семенович. Причем его наработки затем использовали другие наши юристы, осуществлявшие защиту имущественных прав советских граждан.

15 августа 1975 года Рубежов Г.С. был освобожден от должности заведующего арбитражным сектором Инюрколлегии и вернулся для продолжения юридической практики в качестве адвоката в МГКА, где продолжил работать, будучи направлен в юридическую консультацию № 21.

Немного ранее, в 1973 году, он защитил кандидатскую диссертацию в Институте государства и права АН СССР на тему «Представительство консула как форма защиты имущественных прав советских граждан в капиталистических государствах», занимался научной деятельностью, имел свыше 20 научных работ в области международного права, опубликованных как в СССР, так и за его пределами. Его перу принадлежат также публикации, касавшиеся проблем и иных отраслей права.

⁶ Иностранная юридическая коллегия создана в 1937 году. Находилась в ведении Министерства юстиции СССР и занималась гражданско-правовыми вопросами международного частного права, в том числе делами о получении наследства гражданами СССР за границей.

Среди работ Рубежова Г.С. можно назвать подготовленную на базе защищенной диссертации книгу с аналогичным названием, вышедшую в 1974 году, а также статьи:

- Наследование в международном частном праве (Отношения СССР с капиталистическими странами). // Советский ежегодник международного права, 1968. - М., 1969 (в соавторстве);

- Защита прав советского гражданина, нарушенных иностранцем // Социалистическая законность, 1970, № 9;

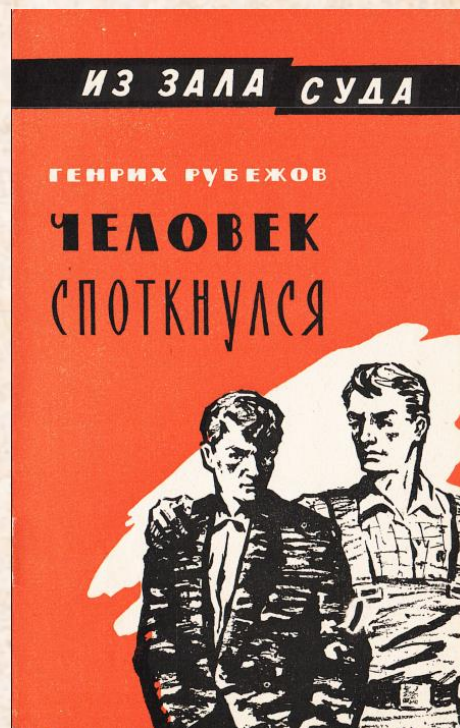
- О фирме и товарном знаке // Социалистическая законность, 1966, № 12;

- О повышении качества и доказательственного значения протокола судебного заседания // Вопросы борьбы с преступностью, 1985, № 43 (в соавторстве);

- Протокол судебного заседания и реализация процессуальных гарантий // Советское государство и право, 1986, № 2 (в соавторстве).

Рубежов Г.С. попробовал себя и на литературном поприще. В 1962 году в издательстве «Госюриздат» вышла его небольшая брошюра под названием «Человек споткнулся», где обрисовывалась судьба оступившихся людей, попавших за свои деяния под суд.

В характеристике Рубежова Г.С., датированной 1979 годом, отмечено, что его деятельность в качестве адвоката отличается глубоким профессионализмом, исключительной добросовестностью и умением убедительно отстаивать избранную защитительную позицию. Защита его в суде (преимущественно по уголовным делам) весьма эффективна, что является следствием большого объема подготовительной работы, прделываемой им при подготовке к делу и ведении защиты в суде.

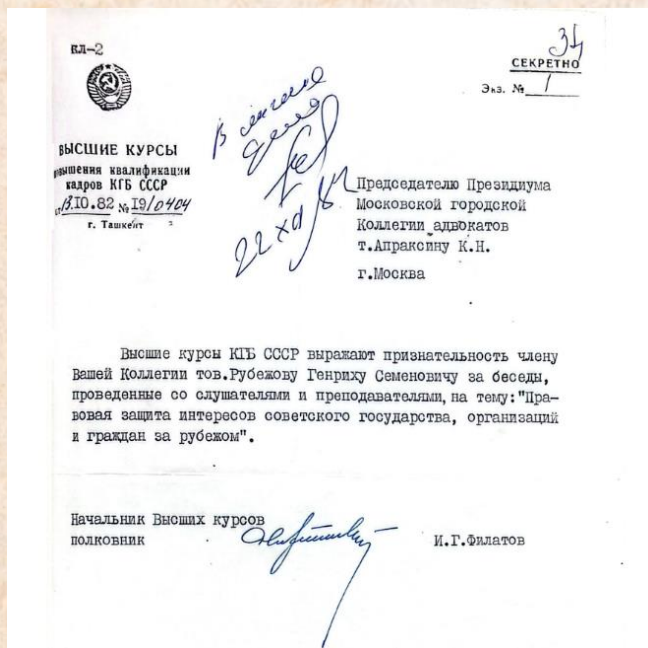

Генрих Семенович избирался в состав Президиума МГКА, где в его обязанности входило обобщение и методические рекомендации по ведению адвокатами уголовных дел, руководство этой работой в юридических консультациях, руководство работой криминалистической секции. Кроме того, он привлекался к работе Общественного института судебной защиты при Президиуме МГКА, и там проводил исследования, посвященные привлечению психологов для исследования полноты и качества судебного протокола.

Уже после ухода из жизни Президиум МГКА своим решением от 25 июня 1996 года внес имя адвоката Рубежова Г.С. в Книгу Почета Коллегии.

В личном деле Рубежова хранится благодарственное письмо отца одного из его подзащитных, написавшего, что, по его мнению, «свою задачу защиты тов. Рубежов Г.С. провел безупречно блестяще». Ознакомившись с материалами дела, он сначала написал ходатайство в прокуратуру Московского гарнизона о неправильном обвинении сына автора обращения по ряду статей Уголовного кодекса, в результате чего уже в суде по четырем статьям из семи подсудимый был признан невиновным, а затем освобожден от наказания по нереабилитирующим основаниям и направлен на лечение. Автор письма Полежаев С.М. просил руководство МГКА и юридической консультации № 21 выразить благодарность адвокату Рубежову Г.С. за высококвалифицированную защиту и последовательность, принципиальность в установлении истины, гуманность и преданность своему адвокатскому долгу, точность и исполнительность. Особо Полежаев С.М. отметил, что даже будучи больным, тов. Рубежов Г.С. являлся на судебные заседания.

Из других, дошедших до наших дней сведений, можно узнать, что Генрих Семенович занимался самыми разными категориями дел. В частности, представлял интересы в СССР художника С.Н. Рериха, вел дела писателя Бориса Пастернака, композитора Сергея Прокофьева.

Об отзывчивости Генриха Семеновича однажды сказала адвокат Бунина С.М., не один год проработавшая вместе с ним, так: «Его можно было поймать на улице и задать тысячу вопросов. Телефон Рубежова был справочным

телефоном для коллег и друзей. Он не принадлежал дому – он принадлежал страждущим и жаждущим его помощи».

Рубежова отличала фантастическая работоспособность, усидчивость и целенаправленность; он трудился, не жалея себя. По воспоминаниям знавших его коллег, Генрих Семенович порой по несколько суток подряд мог сидеть до 3-4 часов пополуночи над написанием ходатайств. Но зато в залах судов ему было мало равных, и наблюдатели признавали, что яркие выступления Рубежова были весомыми и запоминающимися: «Всегда артистичный и яркий, умеющий логично и точно выразить мысль, Генрих Рубежов был одним из выдающихся советских судебных ораторов».

Рубежов Г.С.

Еще одной отличительной чертой адвоката Рубежова была непримиримость к незаконному воздействию на обвиняемых с целью получить от них выгодные следствию показания.

Так, в ноябре 1964 года, выступая в Кировском районном народном суде столицы, Генрих Семенович заявил: «Я считаю необходимым самым беспощадным образом критиковать следствие и позицию государственного обвинения по делу потому, что анализ материалов дела показывает, что следствием был применен целый арсенал противозаконных приемов и методов ведения следствия...». Изобличая лжесвидетелей, дававших показания против его доверителя, Рубежов категорически утверждал: «Каждый из этих лиц арестовывался для того, чтобы в результате психологического воздействия на людей можно было получить угодные и выгодные для обвинительной версии показания против К.».

В данном случае суд прислушался к адвокату - дело было направлено на дополнительное расследование, где и прекращено производством.

Не менее наступательно и решительно Генрих Семенович осуществлял защиту в г. Херсоне, где он выявил факт личного знакомства следователя с потерпевшим и затем доказал сознательную фальсификацию при ведении расследования. В своей жалобе он указал, что в деле «в концентрированном виде проявляются проблемы, связанные с состоянием законности в работе правоохранительных органов. Противоправные приемы и методы ведения следствия, направленные на заведомо необоснованные преследования человека, не могут быть оставлены без реагирования. Нарушители законности, в результате действий которых состоялось заведомо необоснованное уголовное преследование, задержание М. и покушение на его арест, должны быть строго наказаны».

На основании выявленных защитником фактов суд вынес частное определение в адрес следственного органа...

Одним из самых сложных уголовных дел, с которым пришлось столкнуться адвокату Рубежову, было дело инженера Андрея Камуза.

Суть его заключалась в том, что однажды на Казанском вокзале Москвы в двух чемоданах было найдено расчлененное тело убитой и изнасилованной десятилетней девочки. Подозрение пало на Камуза, и тот после задержания дал признательные показания. Как потом оказалось, причиной такого поступка явилось физическое насилие сокамерников, которым сообщили, в совершении какого ужасного преступления подозревается Камуз. Кроме того, в ходе расследования следователь привел к обвиняемому некоего «экстрасенса», чье воздействие также отразилось на его показаниях. Но, несмотря на отсутствие реальных доказательств и пятичасовую защитительную речь Генриха Семеновича, Мосгорсуд признал подсудимого виновным и приговорил к

Рубежов Г.С.

смертной казни. Тем не менее, адвокат Рубежов Г.С. не опустил руки, подготовил 50-страничную подробную и весьма аргументированную кассационную жалобу, рассмотрев которую Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 2 марта 1983 года направил уголовное дело на дополнительное расследование, где оно затем было прекращено по реабилитирующим основаниям.

Показательно, что данный пример отличной работы Рубежова Г.С. можно встретить в специальной литературе наших дней. К примеру, в книге «Психологическая пытка в России и за рубежом», подготовленной П. Баренбоймом, С. Караханяном и Д. Кравченко (М., 2016), отмечается как выдающаяся судебная речь Генриха Семеновича по этому делу, «которая могла бы быть образцом адвокатского ораторского искусства». Здесь же сказано, что в весьма непростом деле «только адвокатский талант Генриха Рубежова позволил остановить произвол и добиться отмены смертного приговора и снятия обвинения с Камуза».

В свою очередь, в вышедшей в 2020 году монографии С. Нагорной и Ш. Хазиева «Долг адвоката и этика психолога: психическая (психологическая) пытка в правовой системе России» сказано: «Книга посвящена выдающемуся судебному психологу Александру Рувимовичу Ратинову и знаменитому адвокату Генриху Семеновичу Рубежову. Последний по ставшему классическим в истории адвокатуры делу гражданина Камуза, понужденного истязавшими его по указанию следствия в тюремной камере уголовниками и незаконным психологическим давлением самого следователя к самооговору, добился отмены расстрельного приговора и, в итоге, полного оправдания невиновного».

К сожалению, есть все основания полагать, что для Рубежова, принявшего очень близко к сердцу ситуацию с подзащитным Камузом, который провел под стражей 4 года и был в шаге от необоснованного лишения жизни, участие в этом деле нанесло непоправимый вред здоровью.

Как рассказала вдова Рубежова в интервью «Российскому адвокату», «На мужа в те дни страшно было смотреть. Почернел, как-то ссутулился. И все писал, писал». Потом он три часа доказывал Верховному Суду неправосудность приговора, и убедил членов коллегии в безупречности позиции защиты, отстаивавшей невиновность Камуза. «Приговор был отменен, а Генрих Семенович слег... Мне многие говорили, что он просто загнал, сжег себя».

В июле 1985 года адвокат Рубежов Г.С. скончался. Ему было всего 56 лет.

... Андрей Камуз, пришедший на похороны человека, спасшего его от смерти, встал перед гробом на колени...

Материал о **Соловьевой Надежде Михайловне** подготовил Шаров Г.К. по сведениям из личного дела адвоката в архиве МГКА, информации из доступных источников, а также по воспоминаниям адвоката Варакиной Н.Г. и автора текста.

Соловьева Н.М. родилась в городе Горький (ныне Нижний Новгород) 15 февраля 1923 года.

34 года - с 12 апреля 1957 года до 01 февраля 1991 года она отдала работе в юридической консультации Пролетарского района (№ 11) МГКА, шесть лет секретарем-кассиром и 28 лет адвокатом.

Соловьева Н.М. родилась в семье рабочих. Отец - Соловьев Михаил Николаевич, рабочий-водолаз, в 1929 году из Саратова переведен в Москву для работы в Московском техническом участке, занимавшемся обслуживанием водных путей. Скончался 30 августа 1961 года.

Мать - Соловьева Антонина Васильевна, 1897 года рождения. Брат - Соловьев Евгений Михайлович, 1920 года рождения, проживал с семьей в Новочеркасске и работал токарем на электровозостроительном заводе им. С.М. Буденного.

В 1940-м Надежда окончила 10 классов средней школы, поработала статистиком на Московско-Окском водздравотделе, а затем до 10 июля 1941 года - делопроизводителем Нагатинских детских яслей, и в сентябре 1941 года поступила на 2-й курс Московского машиностроительного техникума им. Ф.Э. Дзержинского при заводе «Шарикоподшипник». Однако, в конце октября из-за войны занятия были прекращены, а техникум эвакуирован в Томск.

Коммунальный дом в поселке Нагатино, где Надежда проживала с родителями, в октябре был сильно поврежден в результате бомбежек, проживать в нем было невозможно, и все жильцы из него выехали. В марте 1942 года Надежду с матерью поселили в том же районе в комнату в бараке.

Надежда была девушкой невысокого роста, хрупкого телосложения, внешне не сочетающегося с её волевым целеустремленным характером. По воспоминаниям адвоката Натальи Георгиевны Варакиной (1938 - 2016), лучшей подруги Надежды Михайловны в период её работы в юридической консультации

Соловьева Н.М.

№11 МГКА, Надежда с детства являлась инвалидом из-за серьезного дефекта ноги, что всю жизнь скрывала от окружающих и никому не говорила.

В первые месяцы войны, когда Надежде едва исполнилось 19 лет, она лишилась привычного места жительства и возможности продолжить учебу в техникуме. Будучи невоеннообязанной, она решила идти на фронт добровольцем и скрыть от военкомата свой недуг, иначе бы ей отказали в призыве.

В автобиографии Надежда Михайловна писала: «В марте 1942 года через райком комсомола я стала добиваться ухода в Советскую армию». Добивалась почти месяц и, вероятнее всего, втайне от родителей. В итоге райком комсомола поддержал настойчивое требование молодой девушки и 6 апреля 1942 года она была зачислена в действующую армию.

В анкете Надежда лаконично пишет, что была направлена в 337-ОРБ, который затем переформировали в 18-й радиополк ВНОС. В этом полку она прослужила старшим оператором спецустановки по наведению истребительной авиации на самолеты противника, встретила долгожданную Победу и была демобилизована из действующей Армии 12 июля 1945 года в звании младшего сержанта.

Но вот интересные сведения из интернета.

6 апреля 1942 года Надежда была зачислена в действующую армию и направлена в 337- отдельный радиобатальон (ОРБ) Московского фронта противовоздушной обороны (ПВО). Боевой расчёт этого батальона работал на первой советской радиолокационной станции (РЛС), тогда существовавшей ещё в виде макетного образца. Станция располагалась на полигоне НИИ-разработчика в деревне Колычево, неподалёку от Можайска. Она работала круглосуточно и обеспечивала главный пост воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) данными о воздушной обстановке в 100 километрах за линией фронта, проходившей в районе Бородино. В марте 1942 года противник выследил расположение РЛС, и 25 марта она подверглась интенсивной бомбардировке. Из 29 бойцов расчёта погибли 10, ещё 11 были ранены. Но боевая работа станции не прерывалась, пока не была выведена из строя аппаратура. Через три дня станцию отремонтировали и развернули на новой позиции вблизи можайской деревни Аксентьево. В те дни, 6 апреля 1942 года, Надежду направили в этот героический 337-й отдельный радиобатальон для его пополнения и укрепления.

15 июня 1943 года 337-й ОРБ Московского фронта ПВО был реорганизован в 18-й радиополк ВНОС, который стал первым в Красной Армии радиолокационным полком, созданным на базе боевого расчёта первой РЛС и основой для развития радиотехнических войск МО ПВО. Это позволило повысить эффективность обнаружения и сопровождения воздушных целей.

Надежда Михайловна награждена медалями «За победу над Германией», «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945», «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945», Знаком «25 лет Победы в Великой Отечественной войне».

После демобилизации, в сентябре 1945 года 22-летняя Надежда поступила в Московскую юридическую школу, по окончании которой в 1947 году получила диплом юриста. Поскольку параллельно она обучалась ещё и в музыкальной школе, то была оставлена в Москве и направлена работать судебным секретарем Военного трибунала Московско-Окского бассейна (МОБ). Этот трибунал в 1948 году был переименован в Линейный суд МОБ, в 1953 году объединен и переименован в Московский линейный транспортный суд, а в 1957 году транспортные суды упразднены. Надежда Михайловна с 6 апреля 1957 года после 10 лет работы судебным секретарем была освобождена от работы.

С этого времени для Надежды Михайловны начинается вторая главная часть её жизни – 34 года работы в юридической консультации Пролетарского района (№ 11) МГКА!

За эти годы консультация сменила три адреса. В 1957 году она располагалась на Воронцовской улице в доме 46, позже - в полуподвале на Народной улице в доме 7 и, наконец, - на улице Нижняя Радищевская, дом 14/2 с.1, где консультация находится и по сей день, занимая второй этаж здания.

Шесть лет работы секретарём-кассиром с 12 апреля 1957 года по 16 августа 1963 года для целеустремленной Надежды Соловьевой не были потерянными. С 1958 по 1963 годы она совмещала работу с обучением на вечернем отделении московского факультета Всесоюзного заочного института (ВЮЗИ), где и получила второй диплом юриста.

С апреля 1963 года партийная организация консультации принимает её кандидатом в члены КПСС, а с мая 1964 года – в члены КПСС.

Р С Ф С Р
МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ
9 августа 1963 г.
№ 16-Н-14-5
Москва, ул. Кавалова, дом № 12
Телефон К 4-96-70

ПРЕЗИДИУМ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ
На Ваш № К-539 от 1. VIII-63г.
12.8.63

Высылаю направление тов. Соловьевой Н.М. на прохождение стажировки в Московской городской коллегии адвокатов.

Приложение: на 1 л.

Начальник отдела
/А. Крапивин/

2549-10/11/63

акк. 1188

9 июля 1963 года Надежда Соловьева подает заявление с просьбой принять в стажеры МГКА. Коллектив консультации выступает с ходатайством в поддержку своего сотрудника, участницы Великой Отечественной войны, медаленосца, кандидата в члены КПСС, обладательницы двух дипломов юриста, десять лет проработавшей в суде и

Соловьева Н.М.

шесть лет секретарем - кассиром консультации. Административно-партийная машина закрутилась: Президиум МГКА с учетом ходатайства коллектива консультации обратился к начальнику отдела адвокатуры Юридической комиссии при Совете Министров РСФСР с просьбой направить Соловьеву Н.М. стажером в МГКА «в счет лимита 1964 года», и уже 9 августа 1963 года заместитель Министра юстиции РСФСР Ю.А. Каленов направил Соловьеву Н.М. в Президиум МГКА «в должности стажера-адвоката».

16 августа 1963 года Президиум принял Н.М. Соловьеву в МГКА стажером и направил в юридическую консультацию Пролетарского района.

Руководитель стажировки адвокат Федянина Ф.З. отмечала: «У Соловьевой Н.М. поразительная добросовестность и чувство долга в выполнении своих обязанностей».

В заключении о прохождении стажировки указывалось: «Следует отметить чрезвычайно добросовестную подготовку т. Соловьевой к делам, тщательное изучение материалов дела, подбор законодательных материалов, судебной практики и специальной литературы, необходимой для выбора позиции по делу». Также отмечалось, что еще стажером, Надежда Михайловна выполняла обязанности секретаря Народного университета права Пролетарского района и была избрана членом местного комитета профсоюза консультации.

6 марта 1964 года Надежда Михайловна Соловьева принята в члены МГКА и 28 лет успешно трудилась адвокатом в рядах Коллегии в консультации № 11 до 1 февраля 1991 года.

С Надеждой Михайловной, *вспоминает Шаров Г.К.*, в одном коллективе мне довелось поработать 15 лет с 1976 года, когда я пришел в юрконсультацию стажером, и до 1991 года, когда она ушла на пенсию. Тихая, скромная, добросовестная труженица без пафоса, с твердым характером борца, успешно отстаивающего права и законные интересы своих доверителей. Вспоминается её отношение к периодически проводимым в те годы субботникам. Не все соглашались с необходимостью своими силами раз в год наводить порядок в офисном помещении. Кто-то пытался откровенно саботировать, кто-то предлагал откупиться – собрать деньги и на них пригласить уборщиков. Надежда Михайловна и здесь была примером исполнительности и совестливости. Глядя на неё, и другие коллеги втягивались в работу, в итоге консультация всегда славилась порядком и аккуратностью. Как мог, я поддерживал Надежду Михайловну и ставил её в пример молодым. Считаю, что именно на таких, как Надежда Михайловна Соловьева, держится и наша адвокатура, и наша страна.

В характеристике 1970 года отмечено, что Надежда Михайловна Соловьева «выросла в коллективе консультации. Ряд лет работала секретарем, без отрыва от работы окончила юридический институт, прошла стажировку в консультации и в течение 6 лет работает адвокатом. Нашей партийной

Соловьева Н.М.

организацией была принята в члены КПСС. Она читает лекции на правовые темы, активно участвует в работе постоянной комиссии социалистической законности Райсовета, неоднократно избиралась в состав партийного бюро и избрана председателем месткома. Она одна из наиболее уважаемых людей в консультации».

В 1980 году Соловьева Н.М. окончила курсы по переподготовке адвокатов.

Фото 1987 года - коллектив Юридической консультации № 11 МГКА.

В первом ряду (слева направо, сверху вниз): Месяцев А.Е., Викентьев А.Н., Липартиани В.Д., Склярко Д.И., Ушаков П.П., Клячкин А.Л., Долгополов А.Г.,

Во втором ряду: Князева М.В., Землярчук И.М., Заславский В.А., Белозор Н.Г., Люненфельд Л.О., Серебрякова Ю.А., Шаров Г.К., Мартынова Н.А., Калинина Л.Т., Золотухин В.И., Гольденберг А.Б.,

В третьем ряду: Рожкова Т.И., Павленко З.А., Комлева Л.А., Долгополова Е.В., Бинштейн Н.Е. (секр.), Лукьянова Н.А. (бух.), Варакина Н.Г., **Соловьева Н.М.**, Семятова Л.А., Мерцальская-Мезенцева В.А., Айгинина Г.Г.

Соловьева Н.М. в нижнем ряду четвертая справа.

За годы работы в консультации за высокое качество профессиональной работы и активное участие в общественной деятельности коллегии, за

Соловьева Н.М.

многолетнюю безупречную работу она 14 раз поощрялась Президиумом МГКА, 7 раз поощрения сопровождались денежными премиями.

В частности, 31 октября 1967 года в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции она была награждена Почетной грамотой за хорошие показатели в работе и активное участие в общественной жизни.

Неоднократно поощрялась она и по представлению управления социального обеспечения Мосгорисполкома за хорошую работу в судах.

30 января 1991 года Н.М. Соловьева обратилась в Президиум МГКА с просьбой отчислить её из коллегии в связи с уходом на пенсию, указав, что по заключению ВТЭК ей установлена 2 группа инвалидности по общему заболеванию. 1 февраля 1991 года в связи с переходом на пенсию ей объявлена благодарность и выдано пособие в размере 100 руб.

Соловьева Н.М. скончалась 9 февраля 1995 года.

Соловьева Н.М.

О герое следующего нашего очерка, адвокате **Моте Фателевиче Шафире** (1917 - 2013) рассказано в интервью, которое взяла у него спецкор “Российского адвоката” Яна Бочарова для этого журнала в 2008 году (№ 3). Из небольшого материала под названием «Образец для подражания» видно, насколько интересна и богата была биография этого человека, родившегося в год Октябрьской революции и прожившего 96 лет.

Попробуйте, дорогой читатель, разгадать ребус из трех цифр: 91, 56, 4. Как думаете, что бы это значило? Не пытайтесь, никогда не догадаетесь. Я помогу. 91 – столько лет моему собеседнику, 56 из них он служит адвокатуре, 4 – это количество орденов Отечественной войны, которыми был награжден Мотя Фателевич Шафир.

Михаил Федорович (так его называют близкие и друзья) человек с непростой и, вместе с тем, интересной судьбой. Родился в селе Гершуновка Рыбнинского района Молдавской ССР. После окончания сельской школы поступил в Харьковский государственный библиотечный институт. В вузе была военная кафедра, и выпускник Шафир получил звание лейтенанта. А вскоре заинтересовался юриспруденцией. Правда, закончить юрфак не удалось – началась Великая Отечественная ... Прошло уже более 60 лет, а те кровопролитные бои под Москвой до сих пор стоят перед глазами. В суровых, чрезвычайно сложных условиях приходилось сдерживать противника.

– Но мы не падали духом, – вспоминает Мотя Шафир, – трудности только закаляли, мы мужали, набирались опыта и военного, и жизненного.

Казалось, войне не будет конца: вокруг грохотали тяжелые орудия, пулеметы и автоматы, скрежетали гусеницы танков, рвались бомбы и снаряды. Война не знала пощады. В каждом бою на глазах погибали однополчане. А те, кто был еще в состоянии воевать, снова и снова рвались в бой. Когда немецко-фашистских захватчиков все-таки удалось отбросить от столицы, меня направили в одну из частей 2-го Украинского фронта. Затем был 3-й Украинский... При форсировании Днепра 21 ноября 1943 года получил тяжелое ранение в ногу, закончившееся ампутацией. Вначале меня перевезли в госпиталь в Баку, позже в Ашхабад. И оказалось, что терпеть физическую боль гораздо легче, чем осознавать, что ты инвалид, без ноги. С этим нелегко смириться. Не знаю, как бы справился я с тяжелым душевным состоянием, если бы не мои близкие, друзья и, конечно же, супруга Фаина Григорьевна, верная и надежная, с которой мы прожили 33 года.

Шафир М.Ф.

1944-45 № 1381

ор. 6-1/м 24

Все графы заполнить полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ 233

1. Фамилия, имя и отчество ШАФИР Мотя Фателевич

2. Звание старший лейтенант 3. Должность, часть парторг первичной партий-
ной организации I стрелкового б-на 439 стрелкового полка 52 стрел-
ковой дивизии. ордену Отечественной войны II степени.

4. Год рождения 1917 5. Национальность еврей 6. Партийность чл. ВКП/б/ с
1939 года

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне
(где, когда) участвовал в Отечественной войне с 1943 года

8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне тяжело ранен, ампутирована нога

9. С какого времени в Красной Армии с 1940 года 10. Имена РКМ правых

11. Чем ранее награжден (за какие отличия) не награжден

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или деяний

Старший лейтенант ШАФИР работая парторгом первичной партийной организации I стрелкового батальона 439 стрелкового полка 52 стрелковой дивизии в боях всегда находился среди бойцов и личным примером воодушевлял их на проявление подвига и отваги в борьбе с немецкими войсками.
21 ноября 1943 года в боях за Днепром был тяжело ранен и ему ампутировали ногу.

Тов. ШАФИР за проявленный героизм и отвагу в борьбе с немецкими оккупантами достоин государственной награды-ордена Отечественной войны II степени.

Начальник отдела кадров Политуправления
2-го Украинского фронта
Подполковник
/ г. КАМЕКОВ /

"17" января 1945 года.

Командир (начальник) (звание)

194 г.

... И вот она, Победа! Люди возвращались к мирной жизни. Мотя Фателевич смог завершить учебу на юридическом факультете и поступить на службу помощником прокурора Фрунзенского района Москвы. Проработал там несколько лет, но в какой-то момент понял, что его душе ближе работа защитника, и в 1952 году перешел в адвокатуру. За все эти годы он провел сотни различных дел, сталкивался с незаурядными ситуациями, встречался с интереснейшими людьми, необычными судьбами. Он убежден: адвокат не должен замыкаться в рамках каких-то строго определенных категорий дел, он обязан свободно ориентироваться во всех областях права, поэтому и сам брался за любые дела, без каких-либо исключений. Конечно, подробности многих из них стерлись из памяти, но одно все же запомнилось хорошо.

Мотю Фателевича назначили защищать молодого человека, осужденного на десять лет лишения свободы за убийство.

Шафир М.Ф.

– Когда я ознакомился с материалами дела, понял: осудили невиновного парня, – рассказывает Шафир, – но это еще нужно было доказать и... доказал. Дошел до Верховного суда СССР, который оправдал моего подзащитного. Честно говоря, я и не ожидал такого поворота событий. Очевидно, там сработало всё: и моя дотошность, и знания, и помощь опытных адвокатов – никогда не считал зазорным советоваться с коллегами. Долгое время я работал заместителем заведующего консультацией у Геннадия Шарова. И несмотря на то, что годился ему в отцы, если нуждался, спрашивал совета, принимал поручения, прислушивался к его мнению. Вот такая жизнь: сначала мы учим молодых, а потом они нас.

Кстати сказать, дочь Раиса и сын Наум не пошли по стопам отца, а вот внушки Фаина и Анна – успешные молодые адвокаты. Фаина живет в Москве, Анна возглавляет адвокатскую контору в Нью-Йорке. А недавно у Моти Фателевича появились правнуки – Генрих и Милена. Кто знает, может и они станут адвокатами. Ну разве это не награда за сложную, но вместе с тем счастливую жизнь!

Он по сей день консультирует граждан и уже 10 лет оказывает бесплатную юридическую помощь пансионату “Коньково” для инвалидов Великой Отечественной войны и ветеранов, понимая, насколько важно для стариков внимание и участие.

По единодушному мнению близких, друзей и коллег, Мотя Фателевич – образец для подражания. Вся его жизнь – доказательство того, что любые трудности преодолимы и безвыходных ситуаций не бывает. Главное – запастись терпением. Ну, а идти по жизненной тропе, разделяя радости и горести, всегда легче вдвоем. С супругой Ирмой Израилевной они вместе уже шестой год. Она окружила мужа любовью и заботой. И частенько, коротая вдвоем вечера, они обсуждают события дня прошедшего, будь то семейные или касающиеся его профессии.

Шафир М.Ф.

Яхнич Лев Моисеевич

родился 17 февраля 1903 года в городе Елец Орловской области. В 1917 году окончил пять классов Елецкой гимназии, затем в 1918-1919 годах учился в школе в городе Воронеже, затем на рабфаке в городе Москве в 1922-1923 годах. С 1920 по 1922 годы – доброволец в Красной Армии. Окончил годичные юридические курсы в городе Воронеже (1924-1925 годы), обучался в Институте народного хозяйства и права в городе Ташкенте, совмещая службу с учебой (1931 год).

Занимался следственной и прокурорской работой: был народным следователем Воронежского губернского суда (1925-1926 годы), старшим следователем Областной прокуратуры в

городе Бухаре (1927-1929), следователем по важнейшим делам Прокуратуры Узбекской ССР (1930-1931), помощником прокурора Центральной Черноземной области города Воронежа (1932-1934), старшим помощником прокурора Курской области (1934-1936), старшим помощником прокурора – начальником следственного отдела Калининской областной прокуратуры (1936-1938).

С 1939 по 1942 годы исполнял обязанности доцента Ленинградского юридического института, был директором Ленинградской юридической школы. Читал курс уголовного процесса и судопроизводства, состоял членом секции судебного права Института права Академии наук СССР. С июня 1942 по март 1944 года – начальник отдела адвокатуры Народного комиссариата юстиции РСФСР.

С учетом того, что Яхнич Л.М. имел богатый практический опыт, ряд научных публикаций по уголовному процессу в журналах «Советская юстиция» и «Социалистическая законность», работал преподавателем, имел положительные отзывы о готовящейся им диссертации на тему: «Государственный обвинитель в советском уголовном процессе» со стороны члена-корреспондента АН СССР процессора Строговича М.С., решением Совета 2-го Ленинградского юридического института им. М.И. Калинина от 29 апреля 1941 года, Яхнич Л.М. был освобожден от сдачи кандидатского минимума по специальности.

В «Юриздате» в период 1934-1936 гг. опубликовал работы «Краткое руководство по ведению предварительного следствия» под ред. профессора

Яхнич Л.М.

Строговича М.С., «Руководство по ведению предварительного следствия», «Роль прокурора в подготовительном и судебном заседаниях».

В характеристике от 12 августа 1943 года, подписанной заместителем Народного комиссара юстиции РСФСР, указано, что Яхнич Л.М. работает в Наркомюсте в качестве начальника отдела адвокатуры; за время своей работы он проявил себя как энергичный, инициативный, вполне опытный и подготовленный работник, и значительно улучшил работу. Политически подготовлен, дисциплинирован.

Приказом по Народному комиссариату юстиции РСФСР №6 от 11 марта 1944 года Яхнич Л.М. был освобожден от должности начальника отдела адвокатуры, и он был направлен для работы в Московскую городскую коллегия адвокатов.

Решением Оргбюро МГКА от 24 марта 1944 года Яхнич Л.М. был принят в члены МГКА и направлен для дальнейшей работы в юридическую консультацию 1-го Коминтерновского района, откуда был переведен в юридическую консультацию Баумановского района города Москвы. В 1946 году Яхнич Л.М. был переведен в юридическую консультацию Краснопресненского района.

В 1946 году награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В характеристике от 28 мая 1947 года отмечено, что Яхнич Л.М. является адвокатом высокой квалификации; работает исключительно в области уголовного права; руководит подготовкой молодых адвокатов.

В личном деле Яхнича Л.М. имеется характеристика от 28 декабря 1947 года, выданная директором Московской юридической школы Министерства юстиции РСФСР, о том, что Лев Моисеевич является ее преподавателем заочного отделения с 1942 года, и на момент составления характеристики читает лекции на стационарном отделении по предметам судостроительство и уголовный процесс. За время своей работы показал себя опытным педагогом, обладает большой эрудицией. Лекции читает увлекательно, на высоком идейно-политическом и

21. Выполняемая работа с начала трудовой деятельности (включая военную службу)
(При заполнении данного раздела учреждения, организации и предприятия необходимо именовать так, как они именовались в свое время, а их местонахождения — указывать по существующему в то время административному делению)

Дата (м-ц-год)	Должность с указанием учреждения, организации, предприятия, а также министерства (ведомства), в систему которого они входят	Местонахождение учреждения, организации, предприятия (город, район, область, край, республика)
1920 1922	Служил добровольцем в Красной Армии, где был адъютантом, командиром взвода.	
1925 1926	Народный адвокат Вятской губернии.	
1927 1929	Старший адвокат Вятской губернии, а затем адъютант областного краудатуры.	
1930 1931	Адвокат по Вятской губернии Краудатуры Уд.ССР.	
1932 1934	Старший адвокат Вятской губернии (Уд.ССР) Краудатуры, а затем пом. Краудатуры Уд.ССР.	
1934 1936	Нач-к Адвокатского отдела Народной инспекции.	
1936 1937	Нач-к Адвокатского отдела Народной инспекции.	
1937 1939	Директор Ленинградского юридического училища (включая заочный, а затем старший преподаватель), одновременно читал лекции на курсе уголовного процесса в Ленингр. юридическом институте.	
1942 1947	Начальник отдела адвокатуры НКЮ РСФСР.	

Фрагмент личного листка по учету кадров, заполненного Яхничем Л.М. 25 сентября 1948 года

теоретическом уровне, принимает активное участие в работе предметно-цикловой комиссии криминалистических дисциплин.

В характеристике от 21 июня 1951 года отмечается, что Яхнич Л.М. с 1946 года работает в Краснопресненской юридической консультации и является высококвалифицированным адвокатом, специализирующимся только в области уголовного права. При Президиуме МГКА возглавляет секцию «Культура судебной речи», выполняет обязанности заместителя председателя комиссии по работе с молодыми адвокатами и стажерами. В 1950 году им было организовано две теоретические конференции, посвященные проблемам защитительной речи. Инициативен, дисциплинирован, пользуется авторитетом.

О том, как работал Лев Моисеевич с молодежью, в одном из интервью вспоминала известный адвокат Альбина Ивановна Краснокутская: «Руководителем моих студенческих практик был очень известный адвокат Лев Моисеевич Яхнич, которому довелось поработать в прокуратуре, сидеть в камере смертников. Отправляя меня на ознакомление с уголовным делом, он шутливо объяснил мне, как нужно составлять адвокатское досье: «Пиши все, что сочтешь нужным». Когда же я показала ему, что сделала, он признал мою работу «настоящей».

Из материалов личного дела Льва Моисеевича следует, что в 1952 году он, как председатель секции культуры речи и литературы при Президиуме МГКА, сделал несколько докладов, в частности: «Творческая история романа Л.Н. Толстого «Воскресение», «Судебные речи С.К. Казначеева», «Характеристика личности в судебных речах».

О работоспособности Яхнича говорит тот факт, что за 1960 год и 5 месяцев 1961 года он провел 40 уголовных дел!

Очень интересные воспоминания о Яхниче Л.М. оставил его ученик Мове А.Л., книга которого «За кулисами защиты» (М., 1993) открывается разделом, названным «Слово об Учителе». Предоставим слово автору, ставшему во многом благодаря своему патрону, весьма известным адвокатом:

«Со Львом Моисеевичем Яхничем судьба свела меня в самые первые месяцы работы в адвокатуре...

Помимо других необыкновенных качеств, которые были ему присущи — острый ум, житейская мудрость, блестящий ораторский талант — Лев Моисеевич обладал еще одним — данным ему от Бога — необыкновенным тембром голоса. Немного скрипучий, мягкий, порой даже вкрадчивый, в иные минуты в голосе этом появлялся отзвук металла и такая необычайная сила и убежденность, что противостоять ему было просто невозможно. С полным правом могу сказать о его судебных речах примерно то же, что в свое время сказал Вересаев о великом Ф.Н. Плевако: «Главная его сила заключалась в интонациях, в неодолимой, прямо колдовской, заразительности чувства,

Яхнич Л.М.

которым он умел зажечь слушателя. Поэтому речи его на бумаге и в отдаленной мере не передают их потрясающей силы” (Вересаев “Воспоминания”). В полной мере могут относиться ко Льву Моисеевичу и слова А. Ф. Кони о том же Плевако: “...в этом голосе звучали ноты такой силы и страсти, что он захватывал слушателя и покорял его себе” (А. Ф. Кони “Отцы и дети судебной реформы”).

Обладал Лев Моисеевич еще одной характерной чертой. Сказать одним словом, что он был человек простой, уживчивый и даже добрый и доброжелательный, — нельзя. Это был, наоборот, человек очень непростой, очень сложный, но с одним непреложным качеством: если человек был ему по душе, если он ему симпатизировал, если угодно, любил, — то это было искренне и до конца. Середины тут быть не могло, и за такого друга он готов был в огонь и в воду. Но если человек был с ним неискренен, юлил, ловчил, чего-то выгадывал — к такому он был беспощаден, не выносил его на дух и никогда не шел с ним (порой даже во вред себе) ни на какие компромиссы.

Вот из-за этой черты характера у него было немало недругов, злых завистников и даже врагов, которые зачастую отравляли и без того нелегкую его жизнь в адвокатуре. Но тут уж переделать себя он не мог! Зато наряду с недругами и злопыхателями было у него много настоящих, верных друзей, всегда готовых прийти к нему на помощь, пожертвовать собой ради него. И этим он безмерно гордился!

Так уж случилось, что с самой первой встречи Лев Моисеевич пленил меня, очаровал и в этом моем юношеском увлечении всячески старался отвечать мне взаимностью и даже любовью».

О таланте Яхнича как оратора, высококвалифицированного юриста и аналитика свидетельствует тот факт, что в вышедшем в 1956 году сборнике «Защитительные речи советских адвокатов» под редакцией члена-корреспондента Академии наук СССР профессора Строговича М.С., наряду с такими известными адвокатами того времени как Россельс В.Л., Кульберг Я.М., Казначеев С.К., размещено выступление Яхнича М.С. в защиту несовершеннолетних Гриневского и Генадника, обвинявшихся в групповом угоне автомашины.

Лев Моисеевич убеждал суд в невиновности своих подзащитных и в прениях сторон говорил: «Привлечение их к уголовной ответственности обличает производившего расследование работника районного отделения милиции в недостаточно вдумчивом отношении к делу... Взвесьте, товарищи судьи, все обстоятельства дела, проявите вдумчивость и чуткость, присущие советским судьям... Осуждение невиновного всегда приносит ущерб социалистическому правосудию, а для невинно осужденного — это печальный,

неизгладимый след в душе... Я прошу оправдать Генадника и Гриневского за отсутствием в их действиях состава преступления».

Тем не менее, приговором Народного суда Москвы 10 декабря 1955 года все подсудимые были приговорены к различным срокам лишения свободы. Однако с доводами Яхнич Л.М., изложенными в его жалобе, согласилась Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда, которая 30 декабря 1955 года обвинительный приговор отменила и своим кассационным определением прекратила дела за отсутствием в действиях Генадника и Гриневского состава преступления.

13 февраля 1969 года Яхнич Л.М. скончался. Причем умер он, если можно так сказать об адвокате, на боевом посту. И случилось это в зале судебного заседания, прямо во время процесса, проходившего в народном суде Кировского района города Риги.

Вот как описали случившееся очевидцы: *«Адвокат Яхнич Лев Моисеевич привстал со стула, чтобы заявить ходатайство, с документом в протянутой руке, и рухнул, словно сноп, на пол. Сидящие в зале будто окаменели, а она, его подзащитная — Дремова Евгения Михайловна, врач по профессии, взметнулась со скамьи подсудимых и, не обращая никакого внимания на окружавших ее конвоиров, с истошным криком: “Лев Моисеевич!” бросилась к своему распростертому навзничь на полу защитнику. Вслед за ней вскочили со своих мест и бросились к нему все остальные, находившиеся в зале. Но все было кончено. Это был не сердечный приступ и даже не инфаркт, а то, что в народе называют “разрыв сердца”. Смерть наступила мгновенно — сердце не выдержало напряжения жизни и разорвалось на части»⁷.*

⁷ Мове А.Л. «За кулисами защиты (дела давно минувших лет)». - М., 1993. С. 7.